
И(фр)
М74
156204

МОДНАЯ КНИГА.

Часть I.

Здѣсь долженъ быть попугай.

Въ зеленолистіи
Изъ Типографіи Весны.

Андрея Глинского

Новаго году,
Рускаго Переводу. 1830 год

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова,
1789.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ я читалъ сію книгу, подъ заглавіемъ: Модная Книга, Часть I *и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. — Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,*

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

ДЛЯ ИЗВѢСТІЯ.

Книга сія, какъ изъ Заглавія и Предисловія усмотрѣть можно, на Французскомъ языкѣ печатана Часть I зелеными, а II розовыми буквами въ угожденіе, а въ то же время и въ осмѣяніе Французской вѣтреной жадности къ новымъ модамъ. Но мы, бывъ гораздо лучшаго мнѣнія о нашихъ почтенныхъ Читательницахъ, оставили сію шалость, а чтобы печатать книги разноцвѣтными красками, а довольствовалися только тѣмъ, что сію на Французскіе нравы ѣдкую сатиру перевели на Россійской языкъ и напечатали оную обыкновен-

ною книжною краскою, будучи въ твердой надеждѣ, что наши почтенныя Читательницы благосклонно простятъ намъ сіе отступленіе. По сей же самой причинѣ не поставили мы въ заглавіи сей книги въ первой части *попугая*, а во второй *розу*.

ГОСПОДАМЪ ПЕТИМЕТРАМЪ И ГОСПОЖАМЪ ПЕТИТЪ-МЕТРЕСАМЪ

Государи и Государыни мои!

Ваши красоты позволятъ мнѣ, надѣюсь, посвятить имъ такое сочиненіе, которое по своему сходству съ пригожими лентами и съ пріятнѣйшими цвѣтами долженствуетъ необходимо удостоиться вашихъ похвалъ и принятія. Все новое нравится, такъ и сія книжка понравится. Ежели Пантинъ (*) *могъ забавлять васъ чрезъ цѣлые два года, то сей свертокъ имѣетъ причину надѣяться себѣ подобной чести. Довольно одного слова толь же новаго, какъ и онъ, чтобъ привесть его въ знать и снискать ему удивительную силу. Кабріолеты имѣли свое время, да имѣютъ и теперь*

(*) Пантинъ или вертушка.

оное; сія книжка свое имѣть будетъ, или она будетъ крайнѣ нещастна. Объявите, Государи и Государыни мои, ваше мнѣніе; назовите сіе сочиненіе Божественнымъ, прелестнымъ, красно начертаннымъ, наконецъ вертопрашнымъ, и его щастіе совершится. Оно возможетъ тогда сравниться съ мыслями Паскала, съ изысканіемъ истинны Малебранжа, съ Физикою де Карта или Невтона; но что я говорю? Оно еще превзойдетъ ихъ, и я буду имѣть ту славу, что умѣлъ найти средство изъявить вамъ все почтеніе, которое имѣю къ вашимъ красотамъ.

Государи и Государыни мои!

Вашъ покорнѣйшій и преданнѣйшій слуга.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

За симъ первымъ изданіемъ зеленаго цвѣту послѣдуетъ другое розовое; надлежитъ удовольствовать всѣ вкусы. Давно уже, и слишкомъ давно, книги появляются въ плачевномъ видѣ. Вѣкъ толь прекрасной, какъ нашъ, долженъ ли писать черными литерами, кои представляютъ намъ не иное что, какъ катафалки и похороны? Иной бы сказалъ, что каждое сочиненіе носитъ трауръ по своемъ Авторѣ. Пусть бы сіи глубокомысленные Философы, коихъ лица всегда наморщены, и которые, какъ другая Кассандра, предвѣщаютъ бѣдствія роду человѣческому; пусть бы сіи Философы изображали печальныя свои мысли литерами, сходными съ ихъ человѣконенавистіемъ; это очень изрядно. Но чтобъ Писатели, исполненные пріятностьми и красотами, рожденные для увеселенія просвѣщенныхъ Особъ, чернили веселой и забавной свой нравъ пасмурнымъ и меланхолическимъ тисненіемъ, то сего уже и понять не возможно.

Давно бы типографщики долженствовали подражать фарфоровымъ мастерамъ; и они бы имѣли выигрышъ. Какая бы госпожа не пожелала купить книгу одинакого цвѣту съ ея вѣеромъ, или съ попугаемъ? Какой бы петиметръ не прочиталъ

съ жадностію сверчка, подобнагѡ моднымъ бархатамъ и перьевьемъ? Не трудно было перемѣшать лазоревыя строки съ кармазинными; и я не могу понять, для чего сія выдумка не прежде сей минуты появляется? Не пристойно ли, чтобъ печать книги соотвѣтствовала книгѣ самой, и чтобъ прекрасныя мысли выражаемы были и литерами также прекрасными? Никогда разумъ не бывалъ толь пріятно забавляемъ, какъ нынѣ; такъ для чегобъ и глазамъ не быть увеселяемымъ? Нѣтъ ничего дурнѣе и противнѣе какъ то, чтобы пересматривать книгу всю черную посреди камеры, украшенной прелѣстнѣйшими позолотами и живѣйшими цвѣтами. Нынѣ распещряютъ сладкое кушанье краснымъ, зеленымъ, фіолетовымъ цвѣтомъ; а книги ничѣмъ его не хуже. Онѣ питаютъ умъ, такъ какъ кушанье тѣло; и какъ сіе бываетъ тогда только хорошо, когда оно приправлено, равнымъ образомъ и мысли не иначе могутъ нравиться, како естьли онѣ представляются въ увеселительномъ видѣ.

Многіе безъ сомнѣнія будутъ хохотать о сей выдумкѣ, и обратятъ въ смѣхъ книгу, автора и типографщика; но я ихъ увѣдомляю, что я уже напередъ насмѣялся объ этомъ болѣе, нежели они учинить сіе могутъ. Мнѣ извѣстенъ сей

вѣкъ,

вѣкъ, и я знаю, что когда нынѣшніе читатели суть вовсе чувственные люди, то надобно возбуждать чувства. Впрочемъ сочиненія не бываютъ превосходнѣе Авторовъ, кои ихъ сочиняютъ, а это всякому извѣстно, что сіи самые Авторы тогда только хорошо принимаются, когда они появляются въ платьѣ моднаго цвѣту. Печаль должна походить на переплетъ; а какой переплетъ въ модѣ? Всякая книга имѣетъ нынѣ у себя обрѣзъ золотой, или по крайней мѣрѣ мраморной, а оберткa не инаго бываетъ цвѣту, какъ краснаго, зеленаго, или лазореваго. Это бы значило испортить библіотеку, естьлибъ помѣстить въ ней темноцвѣтныя книги, какъ это въ обыкновеніи было въ прошедшее время. Виргилій не можетъ показаться въ паргаминѣ, и лучше любятъ вздоры молодаго Кребильона въ двенатцатую долю напечатанные и въ сафьянѣ переплетенные, нежели сочиненія Боссюетовы въ бараней или телячей кожѣ.

Я бьюся объ закладъ, съ кѣмъ бы то ни было, что всякой типографщикъ, умѣющій подновить надписи ветхихъ книгъ и перепечатать оныя желтыми или сѣрольняными чернилами, выиграетъ гораздо больше, нежели когдабы онъ имѣлъ продавать Бакона, Локка, да и самаго Невтона. У насъ судятъ только по на-

ружности, а вглубь ничего не разсматривают, такъ что однѣ только наши чувства дѣйствующими кажутся, да и точно дѣйствуютъ, а душа притѣсненною находится.

Сказываютъ, что Китайцы имѣютъ азбуку совсѣмъ отмѣнную, и что у нихъ каждая литера слогъ составляетъ, Не можно ли намъ и своей перемѣнить; намъ, которые черезъ прошлыя пятьдесятъ лѣтъ перемѣнили платье, домашнiе приборы, нравы, философiю, да почти и вѣру? Не можно ли намъ сдѣлать для себя новую азбучку гораздо покрасивѣе старинной, которая ничего не значитъ, которая намъ надокучила, и которая толь давно начинается отъ А. Б. В? Видъ сихъ литеръ столь же дуренъ, какъ и произношенiе, и для того я бы нарисовалъ Анемонѣ вмѣсто А, и такоже цвѣту, какъ сей цвѣтокъ, и выговорилъ бы Анемонъ, такъ чтобы всѣ цвѣты составляли толикоежъ число литеръ. Какая краса! какое удовольствiе! на каждой бы страницѣ книги находили цѣлой цвѣтникъ, и сiи цвѣточки служилибъ вмѣсто Риторическихъ, коихъ сѣмена мы уже потеряли.

Однѣ только новыя изобрѣтенiя будутъ впредь приманивать людей къ упражненiю. Они не хотятъ ничего того, что

хотя

хотя мало сходствуетъ со старымъ обыкновеніемъ. Упражненія ихъ, такъ какъ и забавы, ничего столько не требуютъ, какъ разность и перемѣну. Всякъ, кто вымышляетъ какую нибудь новость, хотя бы это было искусство убивать младенцовъ, дабы предохранить ихъ отъ оспы, заслуживаетъ алтари между нами. И такъ чего уже мнѣ ожидать надобно, мнѣ, который представляю нынѣ прелестную печать зелеными литерами? Можно будетъ наименовать сіе сочиненіе весеннею книгою, такъ какъ есть у насъ шпаги зимнія и лѣтнія.

Я бы желалъ, чтобъ вѣеры превращены были въ книжки, гдѣбъ написаны были всѣ выписки изъ новыхъ нашихъ книгъ. Госпожи, которыя не имѣютъ времени читать, но кои однакожъ толико любятъ говорить о наукахъ и литтературѣ, нашли бы средство блистать и обучаться, прохлаждая пригожее свое личико и между шутками. Наши сочинители Словарей проэктъ сей исполнить долженствовали: всѣ слова, ими собранныя, имѣли бы лучшій видъ на ночвахъ и вѣерахъ, нежели въ четвертныхъ свертокахъ. Я бы желалъ, чтобъ каждое сочиненіе появлялось въ такомъ видѣ, который бы отличалъ свое. Ничто мнѣ досаднѣе не

было

было, какъ то, когда я видѣлъ Календарь напечатанной такимъ же образомъ, какъ и сочиненія Фонтенелловы. Не должествуетъ ли каждое животное сохранять свой цвѣтъ и шерсть?

Упоминаются книги голубыя, и это суть сказки; упоминается книга красная, и это есть волшебная, въ которой предполагаются написанныя злодѣянія; говорятъ о желтой библіотекѣ, и это значитъ сочиненія запрещенныя; для чегожъ бы не сказать и о зеленой книгѣ, которая бы не иное что значила, какъ модныя произведенія? Ничего больше не нужно, какъ только о словахъ согласиться.

МОДНАЯ КНИГА.

Между семью первообразными цвѣтами, о коихъ *Невтонъ* упоминаетъ, нѣтъ ни одного, которой бы здоровѣе былъ для глазъ, какъ цвѣтъ зеленый; почему мы и видимъ, что Промыслъ благоволилъ покрыть онымъ всю землю, такъ что дерева и луга не имѣютъ другаго цвѣтосмѣшенія. Весна, которая имѣетъ прелести толико господствующія надъ сердцами человѣческими, и кою можно назвать прекраснѣйшею порою года, не инымъ чѣмъ насъ прельщаетъ, какъ что она возобновляетъ зелень; поля въ Англіи и въ Италіи восхищаютъ око путешественника тѣмъ только, что въ нихъ усматриваются зеленѣющіеся сады въ Декабрѣ и Генварѣ мѣсяцахъ; павлины кажутся намъ чудны единственно по причинѣ хвоста ихъ,

изум-

изумрудами усыпаннаго; попугай также потерялибъ свою честь, и сравнялисъ бы съ прочими птицами безъ цвѣту своихъ перьевъ.

Розовой цвѣтъ есть безчинной и присвоенной развратными дѣвицами; кармазинъ цвѣтъ роскошной, которой показываетъ сластолюбивыхъ особъ; но цвѣтъ зеленой, знакъ надежды, кажется принадлежностію скромности и смиренія. Никогда сей цвѣтъ не употреблялся къ тому, чтобъ потакать порокамъ или ласкать честолюбію; вмѣсто того, что лазоревой и красной служатъ къ намазыванію избалованныхъ женщинъ; фіолетовой къ украшенію тѣхъ существъ, кои господами величаются, и которыя надуты гордостію; голубой къ дѣланію часто недоуздковъ, желтой наконецъ къ означенію кукушекъ.

Не довольно сего; я утверждаю еще, что зеленый цвѣтъ часто имѣлъ силу исправлять людей. Нѣкогда во многихъ земляхъ исцѣляли бѣшенство входить въ долги зеленою шапкою. Всякъ, на кого надѣта была сія шапка, терялъ непремѣнно всю довѣренность, и не могъ выпросить въ долгъ ни полушки. Весь

свѣтъ

свѣтъ помнитъ еще о семъ славномъ Аббатѣ, которой, погрузяесь въ котелъ съ зеленою краскою, учинился предметомъ любопытства во всемъ Парижѣ, и не помышлялъ болѣе ласкаться къ красильщицѣ, въ которую онъ влюбленъ былъ. Голова его, которая казалась кочаномъ, или паче сказать пнемъ липовымъ, приводила ему во весь вѣкъ на память, коль опасно посѣщать жену своего сосѣда.

Я не думаю, чтобъ сыскался въ свѣтѣ какой цвѣтъ многовиднѣе зеленаго; онъ различается безконечнымъ образомъ, такъ что изъ столь многихъ деревъ и травъ, покрывающихъ землю, нѣтъ и двухъ, кои бы зеленью сходны были между собою. Впрочемъ сей цвѣтъ всегда бываетъ кстати, вмѣсто того, что красной да голубой не приличны уже въ сорокъ лѣтъ. Чего для сія книжка должна будетъ нравиться всему свѣту, старымъ и молодымъ, мудрымъ и безразсуднымъ; ибо мы не скроемъ того, что наши егари, люди обыкновенно вѣтреные, для отличенія себя зеленой цвѣтъ избрали. Это очень пристойно, чтобъ люди, провождающіе

свою

свою жизнь подЪ листьями, были цвѣту сихЪ самыхЪ листьевЪ, и чтобЪ они не пужали звѣрей бли тательными одеждами, что доказываетЪ еще, что и звѣри самые любятЪ зелень; а это коль новымЪ есть побужденіемЪ кЪ тому, чтобЪ сіе сочиненіе принято было большею частію нашихЪ читателей? ибо, чтобЪ сказать здѣсь безЪ ласкательства, мы весьма увѣрены о ихЪ сходствіи сЪ тѣми существами, кои ловятся посреди долинЪ и лѣсовЪ. Наибольшее число людей не иное что дѣлаетЪ, какЪ только растетЪ; это неоспоримо; и ежелибЪ они не имѣли волосоподвивательныхЪ бумажекЪ для оказанія головЪ своихЪ, такЪ какЪ госпожи имѣютЪ свои фонтанжи и серьги: то бы часто не можно было ихЪ разпознать сЪ жующимЪ быкомЪ и сЪ козою, которая траву щиплетЪ.

И для сего-то я нахожу, что это очень изрядно сдѣлали, что выдумали моды. Сіе только одно и отличаетЪ насЪ отЪ скотовЪ, которые, будучи всегда одновидны и одногласны, живутЪ, бдятЪ, посвистываютЪ, или кричатЪ одинакимЪ образомЪ. Не нужно ли было,

на

на примѣръ, издать, послѣ премногихъ книгъ, все однимъ манеромъ напечатанныхъ, такое сочиненіе, какъ сіе, котораго бы литеры были пригожаго цвѣту? Все черное да черное; коль худой вкусъ! Нѣтъ ничего плачевнѣе, да и ничего страшнѣе, за тѣмъ что и дьяволъ никогда иначе не пишется, какъ въ черномъ видѣ.

Ахъ! колькратно наши госпожи блѣднѣли при взглядѣ на сіи пасмурныя литеры, коими мысли наши выражаются! Толь печальныя чтенія сносны бываютъ только глазамъ провинціальнымъ; а глаза Парижскіе, то есть глаза тонкіе, нѣжные и вертливые не должны останавляться, какъ только на пріятныхъ предметахъ. Невѣжество, коего дѣйствія мы толико оплакиваемъ, можетъ статься не имѣетъ иной причины, какъ смѣшной нашъ образъ тисненія. Я увѣренъ, что красныя или зеленыя страницы привлекли бы множество читателей, и что всякой бы читалъ самыя трудныя сочиненія, ежели бы пригожъ былъ цвѣтъ у оныхъ.

Все у насъ перемѣнилось, все совершилось. Камеры убираютъ по новому,

вдятъ по новому, одѣваются по новому, говорятъ по новому, носъ уширяютъ по новому, харкаютъ по новому, для чего бы и не печатать по новому? Для чего въ то время, какъ наши щеголеватые и въ прахъ разряженные повара будутъ изготовлять намъ разпещренныя кушанья, а наши писатели издавать прекрасныя сочиненія? для чего въ сіе время одни только готическіе наши типографщики отправлять станутъ свою работу, такъ какъ добрые наши предки, кои вѣдали только здравой смыслъ да добродѣтель?

Повседневно на то жалуются, что нѣтъ ничего новаго въ сочиненіяхъ; что наши писатели себя выписываютъ или переводятъ безпрестанно, и что наконецъ книги кажутся родящимися одна отъ другихъ; но вотъ уже не будутъ жаловаться, какъ сію увидятъ. Она поистиннѣ содержитъ нѣчто новое, да еще и отмѣннаго вкусу. Естьли мы не можемъ изыскать новыхъ мыслей, естьли мы не иное что находимся, какъ пересказчики звонкихъ и стройныхъ реченій, то по крайней мѣрѣ умудримся въ разсужденіи образа, какъ слова писать. Колико бы огромной *Энциклопедической*

ческой

ческой *Словарь* имѣлъ удивляющихся, ежелибъ каждой членъ отличенъ былъ своимъ цвѣтомъ, и ежелибъ всѣ литеры въ какомъ нибудь одномъ словѣ имѣли каждая свой блескъ, и составлялибъ слово великолѣпно разпещренное!

Славный *Мартинъ* не инымъ чѣмъ, какъ цвѣтами безсмертенъ учинился. Онъ умѣлъ чрезъ удивительное лакированіе снискать себѣ имя гораздо долговѣчнѣе имени премногихъ Министровъ. Самой послѣдній типографщикъ, которой осмѣлится подражать ему, и представитъ на бумагѣ то, что *Мартинъ* рисовалъ на табакеркахъ, пріобрѣтетъ себѣ тотчасъ славу превосходнѣйшую, нежели какъ была слава *Стефановъ* и *Элзевировъ*. Сначала посмѣются его сочиненію, ибо таково бываетъ сумазбродство; но мало по малу къ тому пріобыкнутъ, такъ что не возмогутъ больше терпѣть ни одного слова, написаннаго чернилами. Первый петиметръ, которой за двадцать лѣтъ вздумалъ надѣть на себя зеленое платье, гонимъ былъ въ Тюльери и почти обруганъ безчисленною толпою. Чрезъ нѣсколько дней называли его попугаемъ, но вскорѣ сей попугай про-

извелъ другихъ, и недѣлю спустя, весь Парижъ зеленымъ учинился.

Давно уже я задумалъ привязать кошелекъ къ волосамъ такогожъ цвѣту, какъ платье; ибо здѣсь я еще объявляю войну черному цвѣту, такъ какъ и нашему тисненію. Чтожъ изъ сего послѣдуетъ? Чрезъ нѣсколько времени я буду освистанъ; мое превращеніе учинится повсюду разглашаемою новостью до тѣхъ поръ, какъ пять или шесть знатныхъ петиметровъ сдѣлаютъ мою моду важною и достопочтенною.

Коликой требовалось отважности въ началѣ сего вѣка, чтобъ появиться въ публику съ обширнымъ нарядомъ, которой долженствовалъ большимъ Соборнымъ колоколомъ показаться! Однакожъ сыскалась нѣкоторая женщина мученица моды, которая презрѣла людскіе переговоры, и коя, не взирая на то, что могли ее почесть за брюхатую шестью младенцами, прицѣпила къ себѣ торжественно такую новость.

Отвагою только люди удачу пріобрѣтаютъ; а боязливость по землѣ ползаетъ, и никогда высоко не возлетаетъ. Ежелибъ за пятьдесятъ лѣтъ уви-

увидѣли нашихъ звѣздочниковъ, выставливающихъ звѣзды свои на шлафрокахъ: что бы весь свѣтъ поднялъ ихъ за это на смѣхъ. Но теперь никто не говоритъ о семъ ни слова, такъ что вскорѣ можно будетъ нашивать звѣзды и на прочее платье, не подвергая себя смѣху. *Перукмахерская Энциклопедія*, сочиненіе удивительное, которое печатается и перепечатывается безпрестанно чрезъ цѣлые два года, сколько открыла намъ способовъ убираться! Ихъ почти столькожъ, сколько и дней въ году; однакожъ чрезъ многіе вѣки одинъ только былъ извѣстенъ.

Не льзя сдѣлать моды изъ добродѣтелей, говоритъ Г. *Фонтенель*, за тѣмъ что во сто лѣтъ родится не болѣе двенатцати мудрецовъ, а сего числа не довольно къ тому, чтобъ ввесть ихъ въ употребленіе. Но я бы желалъ знать, къ чемубъ намъ годились добродѣтели: толь давно уже выпроводили ихъ изъ просвѣщеннаго свѣту, что онѣ не посмѣютъ нынѣ появиться въ обществѣ; ихъ бы не иначе сочли, какъ Парками, да и не лучше бы ихъ приняли. Нѣтъ ничего удобнѣе, какъ приводить въ со-

мнѣніе достоинство тѣхъ, кои достойными почитаются; напротивъ того никакъ не льзя обмануться, глядя на изрядство и доброй вкусъ платья, на лице искусно подмазанное и мушками красиво облѣпленное, на горящій алмазъ, на вѣеръ съ филаграммами, и на табакерку. великолѣпно разкрашенную. Это благоразумно установлено, говоритъ *Паскаль*, чтобъ разумъ не рѣшилъ о мѣстѣ, которое занимать должно въ обществѣ; для того что всякъ бы сталъ утверждать о себѣ, что онъ больше имѣетъ разума, нежели сосѣдъ его; но щегольское платье оканчиваетъ споръ однимъ разомъ. Это само собою видно, и тотъ, кто меньше убранъ галуномъ, замолкаетъ и прочь отходитъ.

Такимъ образомъ галуны, дорогіе камни и всѣ высокоцѣнныя бездѣлки, которыя сдѣланы или еще впредь дѣлаться будутъ, установляютъ и опредѣляютъ степень славы, которою каждой наслаждаться долженствуетъ. И такъ моды имѣютъ преимущество надъ добродѣтелью самою, которая не иначе у насъ, какъ въ воспоминаніи находит-

ся;

ся, такъ какъ мы воспоминаемъ о прошломъ вѣкѣ.

Платонъ думалъ завесть любезное общество, составляя республику изъ мудрыхъ мужей; но простоватой *Платонъ* бредилъ. Одни только петиметры какъ въ мужскомъ, такъ и въ женскомъ полѣ могутъ разсыпать пріятности, просвѣщать разумъ, украшать міръ, усыпать книги красивыми словами, производить совсѣмъ новыя выраженія, возвышать мѣщанскіе разговоры и подниматься выше простаго народа.

Прежде сего мы были грубые люди съ необдѣланными щеками, подобные симъ неотесанымъ статуямъ, кои усматриваются около старинныхъ церквей Соборныхъ; а теперь мы уже стали пригожія куколки, которыя дѣлаемъ виды, играемъ зрачкомъ, повертываемъ руки, пудримся, орошаемся благовоніями; не лучше ли это? и всякой разумной человѣкъ, хотя бы это былъ самъ господинъ *Аристотель*, не похвалитъ ли сего новаго превращенія? Великаго безъ сомнѣнія требовалось труда, чтобъ насъ обдѣлать хорошенько и снять всю грубость. По щастію дѣло окончано, и

мы можемъ безъ всякой неразсудности представить себя за самыхъ щеголеватыхъ людей, и спорить съ потомствомъ, что оно никогда не произведетъ такого племени, которое бы сравнилось съ нами, и коебъ было столь вѣтрено, столь рѣзво и столь отважно въ своихъ рѣшеніяхъ.

Коль великую пользу приноситъ мода! Она освободила воинскую науку отъ всего вздору Фортификаціи, отъ всѣхъ словъ, въ Тактикѣ и Геометріи употребляемыхъ, и отъ всего Географическаго прибору, дабы произвесть Генерала въ одну минуту; она избавила гражданскаго Правителя отъ всего приказнаго порядку, Медика отъ всѣхъ афоризмовъ, а Богослова отъ познанія догматовъ и нравоученія, дабы вдругъ сдѣлать Адвокатовъ, Докторовъ и церковнослужителей. Никогда еще не поступали толь простосердечно: нынѣ предполагаютъ всѣ возможныя дарованія въ тѣхъ особахъ, коихъ хотятъ производить въ чины, и въ засвидѣтельствованіе ихъ умѣнія ничего больше не требуютъ, какъ только голову изрядно напудреную, нѣсколькія манжеты съ двуия

мя рядами кружева, нѣсколько платковъ, всегда напрыскиваемыхъ амвровою или лавендовою водою, и нѣсколько прекрасныхъ нововымышленныхъ словъ вмѣсто того, что въ прежнія времена требовалися подписанные и противоподписанные, запечатанные и противозапечатанные аттестаты, кои увѣряли, что такой-то человѣкъ почти чрезъ двадцать лѣтъ жилъ яко нелюдимецъ, дабы денно и нощно погружаться въ пучинѣ книгъ, въ листъ напечатанныхъ. Коль великая разность! Возвеселимся о томъ, что царство порабощенія миновалось. Нынѣ читаютъ только то, что хотятъ, и этого довольно бываетъ. *Орлеанская дѣвка*, *философствующая Терезія*, *Академія женщинъ* по штатію заступили мѣсто сихъ скучныхъ ученій, кои притѣсняли *остроблистательный* умъ.

А что такое сей *остроблистательной* умъ? это есть произведеніе самыхъ Грацій, элексиръ пріятностей, разлетающаяся соль души нашей: онъ сбиваетъ съ пути разумъ, заставляетъ молчать доброй смыслъ, и этому смѣется; онъ умѣетъ выдумать платье

хорошаго вкусу, устроить пиръ со всевозможною тонкостію, раздразнить обыкновенную женщину, и вдругъ сдѣлать ее любезною, разправить наморщенное личико и употребить это въ пользу; онъ умѣетъ вмѣнить себѣ въ достоинство потягиваніе мизинца, распѣвистое произношеніе, мигъ глаза, киваніе головы, подниманіе плеча, улыбку или презорчивой видъ, слово безъ разсужденія сказанное, попѣваніе ничего незначущее, восклицаніе учиненное совсѣмъ не кстати, чрезмѣрное всего увеличиваніе; наконецъ онъ умѣетъ сочинить поэму въ восемь дней, романъ въ три дни, и испровергнуть въ четверть часа всю вѣру и всѣ ея доказательства.

Это въ самомъ дѣлѣ пристойно было, чтобъ мода, учинившаяся всеобщею, вошла и въ самое богопочитаніе, и чтобъ люди перемѣнили свою вѣру, такъ какъ они перемѣняютъ волосоподвивательныя свои бумажки. Такимъ образомъ мы ежедневно видимъ нашихъ остроумниковъ, дѣлающихъ себѣ системы закона съ минуты на минуту. Иногда они избираютъ вѣчность міра, иногда

бытіе

бытіе Божіе; иногда они утверждают, что душа есть вещественна; иногда удостоивают называть ее духовною. Я знаю одного из славных наших неимоверов, которой справляется всегда с желудком своим, что касается до веры. Он бывает Деист или Христіянин, Роіялист или Республикант, гражданин или друг, смотря по тому, как вареніе в желудке хорошо или худо произходит. Многіе люди о времени справляются с телами своими гораздо вернее, нежели с Календарем; но не видно было еще по сію пору, чтоб кто прибегал к такой справке для установленія своей веры: каждой день новыя нам чудеса представляет.

Но оставим такія разсматриванія, и учиним сію книжку полезною, сообщая правила, коиб могли знатнаго юношу руководствовать в просвещенном свете. С самаго начала надлежит поставить себе за правило, чтоб слушаться только себя самаго, принимать советы от себя самаго, и взирать на себя так, как на первой предмет удивленія и на центр, к коему все стремиться долженствует. Надлежит различать

личать свои поклоны по различію особѣ, и не иначе поздравлять, какъ съ видомъ и величайшимъ видомъ покровительства тѣхъ, которые имѣютъ изрядныя дарованія, не имѣя богатаго платья. Надлежитъ раздразнивать пригожихъ женщинъ, не почитать изъ нихъ ни одной, и входить съ ними въ разговоры совсѣмъ несвязные, въ коихъ бы были однѣ только слова, и въ коихъ бы говорили вдругъ о Китайскомъ государствѣ и о прекрасной собачкѣ, о тверди и о фонтанжѣ. Надлежитъ быть часто невѣрнымъ, и поставлять это себѣ въ честь; читать публично и раздирать любовное письмецо, садиться за игру, казаться въ ней задумчивымъ, наконецъ бросать ее, чтобъ побѣжать къ Министру или къ Герцогинѣ, съ коими предполагаются всегда союзы и опредѣленныя свиданія. Надлежитъ быть самодвижимою фигурою, дѣйствовать пружинами, не знать другой души, кромѣ своихъ глазъ, языка и пальцовъ, повертывать одну за другою двѣ или три табакерки въ рукахъ своихъ, вынимать часы то Аглинскіе, то Парижскіе. Надлежитъ доставать первую матерію, въ Ліонѣ ежегодно вы-

дѣлы-

дѣлываемую; смотрѣть презорчивымъ окомъ на всякое платье, которое не столь ново; поправлять часто кружева, и умѣть хорошенько ихъ выказывать; вынимать для показу карманной платокъ, намоченной благоуханными водами, и утирать носъ съ неменьшею силою, какъ и пріятностію. Надлежитъ доставать себѣ самой щегольской и наилучше лакированной экипажъ, принимать къ себѣ великорослыхъ и миловидныхъ лакеевъ, называть ихъ лестными именами, какъ-то *Розановъ*, *Зеленинъ*; любить предпочтительно самыхъ верченыхъ и дерзкихъ, имѣть кучера, которой бы летѣлъ какъ вѣтеръ, и которой бы всегда готовъ былъ задавить кого нибудь. Надлежитъ избрать любовницею актрису, это изряднаго и весьма изряднаго вкусу; сдѣлать себѣ алфавитъ модныхъ сочиненій, бѣгать иногда къ книгопродавцамъ, довольствоваться ихъ каталогами, и прочитывать ихъ безъ упущенія, а покупать не иное что, какъ какой нибудь романъ нечестивозабавной, или совсѣмъ сквернословной; таковъ есть вкусъ знатныхъ, а наипаче военныхъ людей.

Надле-

Надлежитъ пересмѣхать человѣка, которой не ѣстъ мяса въ постные дни; ходить въ церковь для того только, чтобъ принять благословенie и посмотрѣть пригожихъ женщинъ; кричать, что всѣ вѣры не иное что, какъ только политика; что все равно быть Туркою или Христiяниномъ, лишь бы только кто былъ честнымъ человѣкомъ. Надлежитъ иногда философствовать, да еще и нравоученie предлагать; надлежитъ сказать, что жизнь скучною становится; что щастливъ бываетъ человѣкъ, когда онъ не имѣетъ ни имени, ни чину, и когда онъ живетъ въ отдѣленномъ и невѣдомомъ углу мiра. Надлежитъ всегда имѣть видъ человѣка дѣлами занятаго, ѣсть за столомъ съ лѣностью и съ разборчивостью кушанья, жаловаться на свой желудокъ, притворяться старикомъ, пить одну почти воду, наконецъ объявлять о себѣ, что ты весьма слабаго здоровья. Надлежитъ знать всѣ пролазы въ городѣ, имѣть у себя любимаго камердинера, которой бы объявлялъ до точности то, что по домамъ дѣлается, которой бы умѣлъ развеселять своего господина шутками, когда онъ

его раздѣваетъ. Надлежитъ имѣть туалетъ въ исправности, списокъ посѣщеній, придворной Календарь, въ которомъ бы означены были всѣ торжества и пированія, быть въ долгу у многихъ, а наипаче у двухъ или трехъ портныхъ. Надлежитъ часто повторять имена вельможъ, и имѣть всегда сіи слова во рту: *Министръ мнѣ сказалъ . . Кардиналъ просилъ меня обѣдать въ завтрашній день . . . Герцогиня ожидаетъ меня въ деревню. . .* Когда надобно пуститься въ путь, то надлежитъ поѣхать ввечеру, выбрать самое ненастливое время и ночь самую темную, подвергнуть людей своихъ всѣмъ суровостямъ воздуха, смѣяться ихъ безпокойству, и объ этомъ послѣ разсказывать такъ, какъ о геройскомъ дѣлѣ. Напослѣдокъ надлежитъ ругаться человѣчествомъ, имѣть оное только къ себѣ самому, презирать всѣхъ встрѣчающихся, не дѣлать имъ взаимнаго поклона, считать своихъ служителей за людей сдѣланныхъ совсѣмъ изъ другой матеріи, награждать ихъ только бранью, и по семъ давать имъ волю бѣситься, сколько хотятъ.

Всякъ,

Всякъ, кто послѣдовать будетъ симъ совѣтамъ, будетъ человѣкъ славной, человѣкъ отъ всѣхъ благопріемлемый; словомъ сказать, человѣкъ такой, какого хотятъ видѣть во Дворцѣ и въ свѣтѣ. Какъ это очень непротивно щегольству, чтобъ имѣть библіотеку, то ее составятъ слѣдующимъ образомъ: съ самаго начала соберутъ романовъ всякаго роду и всячихъ видовъ, каковы суть *уполовникъ*, *софа*, *монахиня въ рубашкѣ*, *побрякушка*, и проч. Послѣ сего помѣстятъ всѣ театральныя сочиненія и всѣ имена комедіантовъ и комедіанокъ; нѣсколькія мѣлочныя піесы таскаться всегда будутъ то тамъ, то индѣ, то по столу, то по камину. Изъ Философіи изберутъ только тѣ сочиненія, кои уподляютъ душу и сливаютъ ее со скотами, а исторію не иную будутъ имѣть, какъ только *о Карлѣ* XII, и ту, что *Всеобщею* называется, за тѣмъ что это съ романами очень сходствуетъ. Нарочное мѣсто опредѣлится для всякихъ сказокъ, любовныхъ писемъ, вымышленныхъ путешествій, а особливо при случаѣ новаго года сочиняемыхъ бездѣ-

докъ

локъ и Календарей. Словари, а наипаче малые, имѣть будутъ отмѣнитой классъ, такъ какъ и Журналы, между которыми постараются помѣстить годовыя Вѣдомости. Потребны также будутъ нѣсколькія книги съ картинками, а особливо срамовидными; ибо это есть великой вкусъ. Пять или шесть книжекъ съ музыкою и столькожъ съ пѣсенками пріобщены будутъ ко всему прочему, и окончатъ великолѣпное собраніе, коего я планъ теперь представилъ.

Слѣдуетъ еще означить молодымъ госпожамъ средства, какъ блистать въ собраніяхъ и учиниться щеголихами; ибо моя книжка есть всеобщая. Мнѣ хочется, чтобъ находили въ ней *Энциклопедію* какъ словъ, такъ и вещей. Госпожи сіи стараться будутъ, чтобъ быть весьма жеманными, порабощаться своей фигурѣ, не выпускать изъ глазъ своихъ зеркала, какъ только тогда, когда онѣ захотятъ сами служить зеркаломъ для всѣхъ пригожихъ Кавалеровъ, кои посѣщаютъ отборную компанію. Онѣ стараться будутъ, чтобъ смѣяться и сердиться съ великимъ искусствомъ и всегда кстати, мѣшать важное съ

шуточнымъ, пышной голосъ съ учтивымъ видомъ. Онѣ стараться будутъ, чтобъ хорошенько представлять себя холодными въ то время, какъ онѣ наиболѣе будутъ страстны; говорить часто: *перестаньте, что это значитъ*, и проч. Онѣ стараться будутъ, чтобъ рѣшить, яко такимъ особамъ, кои вѣдаютъ, что отъ *Адама* мущины были толико глупы, что не переставали ихъ ласкать, превозносить похвалами, и почитать ихъ яко нѣкоторыя божества. Онѣ стараться будутъ, чтобы вѣеръ употреблять кстати; чтобъ его развертывать, складывать, поглаживать имъ по губамъ, поколачивать пальцы, смотря по обстоятельствамъ, и ронять его нарочно, дабы узнать вниманіе и проворную услужливость воздыхателей. Онѣ стараться будутъ, чтобъ намазываться такъ, какъ каретныя колеса, представлять на щекахъ своихъ красныя пятна, быть своеобычливыми, такъ чтобъ не находиться въ одинакой склонности болѣе четверти часа; бѣсить камерныхъ своихъ дѣвокъ, обожать собачекъ и птичекъ своихъ, ѣсть однѣ только деликатныя бездѣлки, впадать

въ

въ обмороки и располагать по порядку болѣзни, такъ какъ онѣ ленты свои разпоряжаютъ. Онѣ стараться будутъ, чтобъ сердиться безъ причины, дабы усмотрѣть, любятъ ли ихъ; играть умомъ въ компаніи, представлять себя шальными, судить самовластно о наукахъ и ученыхъ людяхъ, принимать голосъ сухой, или не отвѣчать тогда, какъ ихъ вопрошаютъ, и навѣдываться съ презорчивымъ видомъ о имени и чинахъ всѣхъ тѣхъ, кои имъ незнакомы. Онѣ стараться будутъ, чтобъ обучаться по правиламъ любовной наукѣ и слѣдовать всей ея системѣ; читать безпрестанно романы въ надеждѣ найти себя въ оныхъ, такъ какъ и любовниковъ, коихъ онѣ любятъ; познавать всѣ моды, и украшаться ими, такъ какъ истиннымъ достоинствомъ; присвоить себѣ такую рѣчь, которая бы вся состояла изъ превосходительныхъ степеней; говорить иногда безстыдно; будучижъ въ пути, такъ какъ и при малѣйшемъ ударѣ грома, или при взглядѣ на паука кричать, что онѣ погибаютъ, что все пропало, что нѣтъ ужъ способа въ живыхъ остаться; наконецъ,

что онѣ совсѣмъ мертвы, хотя онѣ и не перестаютъ говорить въ сіе время. Напослѣдокъ стараться онѣ будутъ, чтобы разпорлжать вѣру по своей модѣ, которая бы имъ позволяла приступать къ таинствамъ, и быть крайнѣ спѣсивыми и тщеславными; которая бы имъ позволяла терять дни и ночи въ нарядахъ, въ танцованіи, въ музыкѣ, въ обманахъ при случаѣ игры, по ихъ похвальному обыкновенію, и которая бы имъ позволяла злословить обо всемъ свѣтѣ, и не имѣть никогда другой женщины себѣ пріятельницею.

Подъ таковыми-то чертами наши знатныя госпожи себя представляютъ, и онѣ бы весьма жалѣли, естьлибъ не были таковыми, какъ я описалъ ихъ. Коликое удовольствіе почувствуютъ онѣ при взглядѣ на сію книжку, которая послужитъ имъ вмѣсто забавы или экрана (*), и которая въ этомъ будетъ гораздо больше почтена, нежели сочиненія всѣхъ нашихъ славныхъ Философовъ, кои грызутъ мыши, или пыль пере-

(*) Это есть щитокъ, которой употребляютъ для закрытія себя отъ жару, когда у огня грѣются.

переѣдаетъ! изъяснить я не могу, сколько мое самолюбіе бываетъ обольщенно, когда я представляю себѣ, что мое сочиненіе, толь же зеленое, какъ и поверьхность какого нибудь луга, составлять будетъ всю библіотеку какой нибудь госпожи или пригожаго петиметра, украшать ихъ туалетъ и служить матеріею ихъ пустословію. Можетъ статься, что я еще очень мало о себѣ думаю; ибо кто знаетъ, что моя книга не пріобрѣтетъ себѣ блистательнѣйшаго и скорѣйшаго щастія? Кто знаетъ, что она не учинится карманнымъ зеркаломъ, или ночвами къ сотканію узелковъ; наконецъ всемъ тѣмъ, что только изобрѣтательной разумъ выдумать можетъ? Нѣтъ ничего невозможнаго въ родѣ модъ.

Подижъ, дорогая моя книжка, поди всюду, куда позоветъ тебя фортуна; полети по свѣту бабочкою, переходи изъ рукъ въ руки; иногда тебя полюбятъ, иногда возненавидятъ, иногда возьмутъ, иногда бросятъ, иногда похвалятъ, иногда опорочатъ; сего дня раздерутъ, а завтра искать тебя станутъ. Поди, возбуди желчь нашихъ

Журналистовъ, кои тебя осудятъ весьма важнымъ образомъ, хотя ты не иное что, какъ шутка и безделка. Поди возобнови охоту къ чтенію во всѣхъ нашихъ господахъ, кои кромѣ Вѣдомостей ничего болѣе не читаютъ. Поди оживи разговоръ нашихъ госпожъ, которыя играютъ, и не говорятъ ничего. Поди наведи сонъ нашимъ петиметрамъ, кои *почитываютъ* только на постелѣ и засыпаютъ всегда съ первой страницы. Поди превратись въ пукольную бумажку, въ обертку въ . . . я этому смѣюся. Я тебя оставляю, такъ какъ подкидыша, которой дѣлается тѣмъ, чѣмъ можетъ, и коего матери никто не знаетъ.

Ежели тебя бросятъ, о мое сочиненіе, единый плодъ скуки! то ты будешь имѣть одинакую участь съ наилучшими книгами. Мы видимъ ежедневно нашихъ петиметровъ, кои показываютъ себя охотниками до Поэзіи, до Исторіи, до Философіи, да и до Богословіи, бѣгающихъ толпою къ книгопродавцамъ, хватающихся съ жадностію за *де Картовъ* и *Невтоновъ*, за *Локковъ* и *Маленбранжевъ*, дабы имѣть то

удо-

удовольствіе и славу, чтобЪ ихЪ отвергнуть. Они знаютЪ все это; они вѢдаютЪ, чего это стоитЪ, и за тѢмЪто прилѢпляются кЪ *Анголѣ*, или кЪ другому какому роману сего рода.

Но что я говорю? модная книжка можетЪ ли имѢть подобную судьбу? Она и для одного своего титула будетЪ изыскиваема. Я ничего больше не хочу, какЪ чтобЪ сыскалась хотя одна щеголиха вЪ ПарижѢ, которая бы похвалила выдумку, и которой бы зеленой цвѢтЪ нравился, то модная книжка учинится тотчасЪ божественною. Ее будутЪ изЪ рукЪ выхватывать другЪ у друга; и какогобЪ не имѢла она расходу вЪ послѢдствіи, естьлибЪ послѢ такого приключенія она еще запрещена была? Она бы продавалась за золотыя деньги. Многіе писатели, не вѢдая, какимЪ образомЪ ввести вЪ знать свои произведенія, приправляли ихЪ такою критикою и своевольствомЪ, кои долженствовали подвергнуть ихЪ запрещенію, и они совершенно успѢли.

ВЪ обществѢ потребны бываютЪ всякія сочиненія для наученія и для исправленія, для приведенія вЪ смѢхЪ

и въ слезы. Самые Авторы, кои обыкновенно знаютъ только свой кабинетъ, и съ мертвыми единственно обращаются, имѣютъ надобность развеселять свои упражненія невинными отдохновеніями. А какіябъ были сіи отдохновенія, естьли не тѣ, чтобъ мѣшать важное съ шуточнымъ, и послѣ глубокомысленнаго сочиненія издать какую нибудь мѣлочную піесу? Есть труды утренніе, послѣобѣденные и вечерніе. То, что пишутъ поутру, бываетъ исправнѣе; то, что вымышляютъ подъ конецъ обѣда, носитъ обыкновенно съ собою видъ забавы и вѣтрености; а то, что ввечеру дѣлаютъ, имѣетъ болѣе жару. Сіи три разные рода сочиненія примѣчаются у всѣхъ писателей: они имѣютъ свои порядочныя, блистательныя и шуточныя книги. Такимъ образомъ Боало имѣетъ свою *науку стихотворческую*, *Сатиры* и *Лютрена*. Всякъ, кто знаетъ совершенно искусство писать, не только различаетъ степени возраста въ писателѣ по его произведеніямъ, но еще умѣетъ отгадывать, такъ сказать, часы дня, въ которые такая-то рѣчь и такая-то мысль могли родиться,

дишься, естьли только не случатся такіе безпорядочные умы, кои преобращают всю натуру, кои смѣшивают день съ ночью, да и это еще примѣтно бывает. Я всегда и при одномъ прочтеніи многихъ нынѣшнихъ сочиненій скажу, что Авторы трудились по слѣпому произволенію то въ полночь, то въ полдень.

По симъ понятіямъ безъ сомнѣнія разсудятъ, что модная книга служила мнѣ вмѣсто отдохновенія. Мнѣ этимъ сдѣлают много чести; а впрочемъ и не ошибутся. Вмѣсто того, чтобъ пойти говорить пустоши между какими нибудь праздными или слабоумными людьми, коихъ называют бесѣдою, не лучше ли смѣяться съ самимъ собою? Это правда, что иногда щекочутъ себя, чтобъ произвести мысли; но, по моему мнѣнію, сіе щекотаніе кажется еще предпочтеннѣе шутокъ мнимаго общества. Я нахожу себя гораздо спокойнѣе, когда я смѣюсь по своему произволенію; а въ свѣтѣ надобно смѣяться такъ, какъ (*) зѣвают. Ея Сіятельство Графиня вымолвит какое

(*) Т. е. смотря на другаго.

кое нибудь дурачество, и захохочетъ; Его Свѣтлость Дюкъ погрѣшитъ противъ хронологіи, и руками заплещетъ; и при всемъ этомъ надлежитъ равнымъ образомъ хохотать и дѣлать рукоплесканіе. Вскорѣ будутъ такіе люди въ обществѣ, кои увѣдомлять станутъ гостей, что хозяинъ смѣется, и что надобно и имъ также смѣяться, такъ какъ приходятъ увѣдомлять, что такой то вамъ кланяется. Что касается до меня, которой хочу весь принадлежать къ себѣ самому и быть самъ своимъ сіятельствомъ, то я имѣю предосторожность въ смѣхахъ послѣдовать моему только произволенію. Это, скажутъ, отзывается чѣмъ-то циническимъ; нѣтъ, не циническимъ, но благоразсуднымъ.

Это очень удивительно, что не можно нынѣ приводить дѣла къ здравому разуму безъ того, чтобъ не почесться человѣконенавистникомъ. Но что такое я дѣлаю? Нечувствительно я начинаю противорѣчить модной своей книжкѣ и испровергать основанія, кои она утвердить хочетъ. Видно, что утро приближается, по моимъ примѣчаніямъ, и

что

что я хочу трудиться съ большимъ разсудкомъ; однакожъ не таково мое намѣреніе. Я хочу смѣяться. Ежели *Демокрита* поставили въ число Философовъ за то, что онъ смѣялся во всю свою жизнь, то я льщусь, что по крайней мѣрѣ не сочтутъ меня между безумными за то, что посмѣюсь одну четверть часа. Мнѣ извѣстно, что смѣхи различны бываютъ, и что они столь же многовидны, какъ и зеленой цвѣтъ. Есть смѣхи громкіе, и они возвѣщаютъ простой народъ; есть смѣхи скромные, и они означаютъ дѣвицъ, но весьма молодыхъ; есть смѣхи злобные и лукавые, и они отличаютъ сихъ всегдашнихъ вдовъ, коихъ въ каждой бесѣдѣ находится по крайней мѣрѣ до трехъ или пяти; есть веселые смѣхи, и они отмѣчяютъ петиметровъ, кои не минуютъ никогда оскаливать прекрасныхъ зубковъ своихъ; наконецъ есть смѣхи важные и съ остановкою, кои педантовъ знаменуютъ, которые . . . Но куда бы не завело насъ сіе *которые*? гораздо лучше остановиться.

Есть наука смѣяться, такъ какъ и плакать. Петиметресы не уступилибъ

пилибъ ее за все возможное золото: лице ихъ, которое движется на пружинахъ, которое то дождь, то молнію испускаетъ, и которое часто однимъ глазомъ плачетъ, а другимъ смѣется въ одну минуту, не минуетъ во весь день прельщать молодыхъ людей помощію морщины, искривленія, или тѣлодвиженія. Нѣтъ ничего въ свѣтѣ толь смѣшнаго, какъ личико нашихъ госпожъ, да и петиметровъ. О! какъ они поигрываютъ зрачкомъ, какъ зубами поскрипываютъ, какъ прикусываютъ языкъ, какъ бровь наморщиваютъ, какъ растягиваютъ свою физіогномію, какъ помигиваютъ, и какъ презорчивые являютъ виды! Я спорю въ этомъ крѣпко, что и самая лукавая мартышка не можетъ того сдѣлать. Прибавь ко всему этому лорнетъ, и тогда надобно будетъ необходимо признаться, что модное лицо заключаетъ въ себѣ множество познаній и чудесъ.

Не безъ намѣренія вошли мы въ сіи подробности. Мы хотимъ многимъ людямъ, имѣющимъ довольно разума, но непригожимъ, подать способы, какъ учи-

учинишься важными. Я зналъ одну госпожу, которая вмѣсто всего другаго достоинства имѣла только потягиваніе мизинца, и окружаема была множествомъ удивляющихся. Я видѣлъ проповѣдника, которой не иное имѣлъ дарованіе, какъ только чтобъ хорошо водить красивую свою руку, и его церковь всегда полна была слушателей. Мнѣ знакомъ одинъ господинъ, которой одно только имѣетъ сіе знаніе, чтобъ нюхать искусно табакъ, а сморкать еще искуснѣе, и онъ наслаждается отмѣннымъ почтеніемъ.

Надлежитъ все дѣлать съ пріятностію, и разполагать всѣ свои поступки по вкусу доброй компаніи. Республика петиметровъ не есть мысленная, такъ какъ *Платонова*; она имѣетъ дѣйствительное бытіе, и ея установленія простираются до всѣхъ подробностей, которыя глаза, ротъ, руки, голова и ноги принимать могутъ. Давно уже къ юношеству опредѣляютъ танцмейстеровъ, но вскорѣ мы имѣть будемъ и прочаго тѣлодвиженія учителей, кои станутъ выправлять наши руки, такъ какъ выправляютъ ноги; кои будутъ

раз-

разпоряжать наши взгляды, и которые обучать насЪ будутЪ, какЪ бы выгоднѢйшимЪ образомЪ употреблять перчатку, вѣерЪ, карманной платокЪ, табакерку. Сіи употребленія вЪ обществѣ толь часто повторяются, что не льзя не знать ихЪ по правиламЪ.

Ежедневно учатЪ насЪ, какЪ убивать другЪ друга, и это намЪ не странно кажется: не сходнѣе ли сЪ разумомЪ то, чтобЪ показать намЪ, какЪ жить щеголеватѣе, и какЪ дѣлать себя пріятными? Для чегобЪ не сдѣлать арсенала для вѣеровЪ, такЪ какЪ и для ружьевЪ? Для чего не обучаютЪ насЪ биться глазами, такЪ какЪ шпагою? Не льзя повѣрить прекраснымЪ изобрѣтеніямЪ, которыя можно учинить вЪ одной части глазЪ, дабы привлечь намЪ удивляющихся. Они говорятЪ у свѣтскихЪ женщинЪ вмѣсто того, что едва онѣ бытіе имѣютЪ у простаго мѣщанина. Какое это нещастіе, чтобЪ не быть ни благовоспитанну, ни *манерну*! Не льзя *впечатлѣть* никого; иной дѣлаетЪ всемЪ своимЪ тѣломЪ истинную докучность, и еще тѣмЪ *вѣроломнѣйшую*, что общество наполнено находится сими закоснѣлыми

нѣлыми

нѣлыми людьми, кои не имѣютъ ни пружинъ, ни гибкости, и которые тебя *засвистываютъ въ превосходительной степени.*

Въ самомъ дѣлѣ сколькратно мы ввержены были въ обморокъ и совсѣмъ уничтожены, видя *безобразіи* сей толпы людей подлыхъ въ ихъ поступкахъ и взглядахъ? Естьли они поютъ, то иной бы подумалъ, что они воютъ; естьли говорятъ, тобъ иной вообразилъ, что они спорятся; естьли сморкаютъ, тобъ сказалъ иной, что . . . естьли кланяются, тобъ ты счелъ, что они бодаются; естьли ѣдятъ, то тебѣ кажется, что они пожираютъ. Дуракъ, говоритъ *ла Брюеръ*, не говоритъ, не играетъ, не ходитъ, не сморкаетъ, такъ какъ умной человѣкъ. И такъ весьма нужно поправить сіи дурачества, и учинить свѣтъ совершенно чуднымъ и пригожимъ. Многіе народы начали уже отирать свое лице, чтобъ казаться миловиднѣе, а другіе щекотать себя, дабы могли смѣяться. Парижскія пріятности пали въ нѣкоторыя земли, и онѣ произвели то, что обильной дождь производитъ въ ежахъ, сихъ комоватыхъ животныхъ,

ко-

коихъ одни. только колки видны бывают; усмотрѣны уже рыльцо и лапки, кои протягиваются и протягиваться будутъ отчасу болѣе, за тѣмъ что весь свѣтъ хочетъ говорить, смѣяться и ходить по Французски.

Я бы желалъ, чтобы періодической Журналъ возвѣщалъ намъ изъ недѣли въ недѣлю о новыхъ модахъ, которыя бы исправляли нашъ составъ, и коибъ его совершали и украшали. Ни о чемъ больше не говорятъ, какъ о новыхъ книгахъ; а можетъ статься, что всѣ сіи книги насъ только что портятъ. По крайней мѣрѣ читая ихъ, теряемъ мы драгоцѣнное время, котороебъ можно было употребить на переправку негодныхъ обыкновеній; ибо не взирая на всю нашу хитрость въ дѣлѣ модъ, многія еще находятся вещи, которыя уничтожить или перемѣнить слѣдуетъ. За чемъ бы, на примѣръ, носить башмаки всегда чорные, такъ какъ и шляпы? Сія проклятая чернота крайнѣ вкоренилась. Великой *Вандомъ* носилъ, по крайней мѣрѣ прежде сего, ленту огненнаго цвѣту, завязанную подъ горломъ, и это казалось великолѣпно и торжественно; а мы, которые

пока-

показываемъ себя людьми добраго вкуса и безъ предразсудковъ, мы боимся принять новой головной уборъ, такъ какъ и обувь. Господа Поляки долженствовали бы въ этомъ служить для насъ примѣромъ; они имѣютъ шапки всякихъ цвѣтовъ, а сапоги желтые и красные.

Мнѣ это извѣстно, что образъ, какъ надѣвать шляпу, довольно перемѣняется, и что носивъ ее иногда большую, иногда малую, иногда обложенную позументомъ, иногда съ кисточкою, нынѣ ее носятъ по обыкновенію Прелатовъ, то есть низкую, ровную и съ золотымъ шлафомъ или тесьмою; но этого еще не довольно, надлежитъ принять въ употребленіе цвѣтныя шляпы.

Женщины, у коихъ мы поставляемъ себѣ въ славу перенимать, не имѣли ли, да и не будутъ ли до скончанія вѣка имѣть разноцвѣтныхъ головныхъ уборовъ, сего дня сѣрыхъ, а завтра черныхъ? Можно составить пространной Словарь изъ однихъ такихъ словъ, которыя отличаютъ ихъ маневры накрывать голову на подобіе иногда *царской птицы*, иногда бабочки, иногда богомольницъ, иногда кокетокъ, иногда

сонныхъ, иногда ринцеровъ, иногда *лѣстницы Фонтенсбльской*, а иногда *парламентскаго заточенія*. Справедливость того требуетъ, чтобъ голова наша, которая вымышляетъ моды, которая ихъ совершаетъ и разумножаетъ, была сама престоломъ модъ. Надъ нею-то надобно истощить все то, что искусство имѣетъ самаго блистательнаго и особливаго. Оставимъ педантамъ наполнять голову молодаго воспитанника всемъ вздоромъ Философіи, которая съ ума сбиваетъ; Богословіи, которая въ сомнѣніе приводитъ; Риторики, которая балясничаетъ; Поэзіи, которая засвистываетъ, и поставимъ себѣ въ существенной долгъ убирать наши тупеи, пудрить наши кудри, выправлять уши, подмоложать лобъ и удобрять всю физіогномію.

Не лучше ли видѣть пріятную голову обложенную волосами изрядно сбитыми, изрядно разпоряженными, изрядно соразмѣренными, нежели всѣ сіи глубокія мысли, изъ которыхъ книги составляются? Не лучше ли предать всю свою голову наукѣ перукмахеровъ, а оставить одни только пальцы для на-

написанія какого нибудь сочиненія? Одному только ихъ дѣйствію обязаны мы всѣми почти нынѣшними произведеніями. Сія проворные пальцы движутся, и въ нѣсколько часовъ они начерчиваютъ сотни страницъ, въ которыхъ доброй смыслъ участія не имѣетъ. Нѣтъ ничего веселѣе, какъ трудиться надъ книгою, не имѣя ни плану, ни связи, ни предмета, ниже титула самаго. Я знаю одну Принцессу, которая велитъ запрягать лошадей своихъ, которая предпринимаетъ дальное путешествіе, и которая говоритъ людямъ своимъ: выѣдемъ въ такія-то вороты, не вѣдая куда она ѣдетъ, не взявъ никакого запасу, и не имѣя другаго платья, кромѣ того, въ которое она одѣта. Когда надобно ей перемѣнить рубашку, то она остановляется, покупаетъ полотно, отдаетъ сшить одну рубашку; а также поступаетъ въ разсужденіи и всего прочаго.

Вотъ нынѣшніе наши Авторы; они встаютъ и говорятъ вдругъ: сочинимъ книгу. Они берутъ чернила и бумагу, такъ какъ наша Принцесса садится въ карету, и они бѣгутъ, не вѣдая,

гдѣ они должны остановится, и не имѣя передъ собою другой мысли, кромѣ строчки, которую они пишутъ. Одно слово влечетъ за собою другое, и плодовитость бываетъ часто такъ велика, что одной книги не довольно становится; дѣло доходитъ до двухъ, а иногда и до трехъ томовъ.

Пусть послѣ сего вѣкъ нашъ унижаютъ, но я скажу, что это дѣлаютъ напрасно. Нѣтъ почти ни одного благородно мыслящаго человѣка, которой бы не издалъ какой нибудь пiесы въ свою жизнь; но ихъ болѣе еще усмотрѣно будетъ, естьли захотятъ слѣдовать моему плану, и естьли въ состоянiи будутъ разпестрять цвѣтами книги, такъ какъ разпещряются вышитыя матерiи. Казначеевъ писать станутъ всегда золотыми литерами, дабы хорошенько ихъ означить; красавицъ розовымъ цвѣтомъ, стариковъ блеклолистянымъ, поповъ и монаховъ темнымъ, безчинныхъ женщинъ жолтымъ, военныхъ людей краснымъ, Министровъ голубымъ, Авторовъ зеленымъ. Слово *добродѣтель* никогда иначе видно не будетъ, какъ въ небесно-синемъ, а *порокъ* въ самомъ черномъ цвѣтѣ.

Ахъ!

Ахъ! когда рѣчь идетъ о порокѣ, то не льзя довольно очернить черты его; и въ сіе-то время дозволяется намаратъ углемъ тисненіе, такъ какъ марають кабацкія стѣны.

Симъ способомъ весьма бы удобно было обучать чтенію дѣтей; они бы познали языкъ по цвѣтамъ. Слово *вишня*, на примѣръ, всегда писанное краснымъ, а слово *апельсинъ* всегда желтымъ, оживятъ болѣе ихъ мысли; ибо нѣтъ здѣсь моего намѣренія шутить: я хочу просвѣтить родъ человѣческой, и его удостовѣрить, что можно посредствомъ модъ достигнуть до великихъ вещей, и сдѣлать новой планъ ученія, которой забавлять будетъ научая.

Здѣсь доброй смыслъ поднимаетъ великой крикъ; но дадимъ ему волю кричать. Мы знаемъ уже нынѣ, что сей доброй смыслъ не иное что есть, какъ старикъ обветшалый, которой умѣетъ только выхвалять прошлое время, и которой, пріобыкши къ старинѣ, не можетъ вообразить себѣ, чтобъ оставили утоптаную дорогу. Нѣтъ ничего похожѣе на барана, какъ доброй смыслъ;

онъ идетъ только слѣдомъ, и поскакиваетъ потихоньку по всѣмъ лѣстницамъ, по которымъ другіе перескочили. Ежелибъ по сіе время печатали зелеными чернилами, то бы всеконечно назвалъ онъ сумазбродными всѣхъ тѣхъ, кои бы вздумали печатать черными. Но слѣдуя порядку, которой я сообщаю, книги будутъ дѣлаться такъ какъ цвѣтныя полотна, и разумъ нашихъ ученыхъ покажется помолодѣлымъ.

Я понимаю, что какое нибудь романическое приключеніе, коего бы я не зналъ ни начала, ни конца, учинило бы здѣсь плѣняющую эпизодію, и что безъ шутокъ требовались бы нѣсколькія штучки сего свойства, дабы учинить сію книжку еще моднѣе. Но гдѣ взять такихъ штучекъ? Наши романы все объявили, и все переобъявили въ семъ родѣ. Сквернословное и забавное появляются безпрестанно, дабы увеселять нынѣшнихъ читателей. Нѣтъ ни басни, ни исторіи, которыябъ не были сказаны и пересказаны сто и тысячу разъ. Весь свѣтъ долженъ пережениться съ тѣхъ поръ, какъ всѣ комедіи и романы оканчиваются свадьбами.

Не

Но читая сіе сочиненіе, скажетъ кто нибудь, что Авторъ по крайней мѣрѣ долженствовалъ бы помѣстить то тамъ, то индѣ нѣсколькіе стихи; ибо мода любитъ риѳмотворствовать. Изрядно! такъ пориѳмотворствуемъ.

О зелень! коль ты мнѣ пріятна!
Прельщаешь ты меня въ лѣсахъ;
Красажъ твоя невѣроятна,
Натуру осмотрѣвъ когда въ ея частяхъ,
На книжныхъ зрю тебя листахъ.

Любители пѣсенъ и музыки безъ сомнѣнія захотятъ также и оныя здѣсь видѣть; но это будетъ уже при второмъ изданіи. Мы сообщимъ тогда новый планъ кантата, положеннаго на нотахъ различныхъ цвѣтовъ. Одинъ Езуитъ за нѣсколько лѣтъ не худо вздумалъ сдѣлать цвѣтной клависинъ и услаждать глаза чрезъ стройныя цвѣтосмѣшенія. Мы не знаемъ еще всѣхъ силъ и проворствъ нашего разума; намъ ничего болѣе дѣлать не остается, какъ только пожелать, и мы можемъ произвесть удивительныя дѣла. Уже нѣкоторые Нѣмцы вообразили себѣ, что постеля долженствуетъ имѣть больше пяти футовъ, естьли хотѣть спать спо-

 койно,

койно, и что для отдохновенія не надлежитъ задыхаться между двумя перинами. Уже нѣкоторые достойные люди на Сѣверѣ нашли, что гораздо способнѣе оборачивать горящіе угли щипцами, нежели руками; что пристойнѣе носъ утирать платкомъ, нежели пальцами. Уже Италіянцы признали безполезность висячаго замка, и что можно употреблять ввечеру другое что нибудь, кромѣ шеколату. Уже нѣкоторые Агличане не бодаютъ больше прохожихъ на подобіе барановъ, и признаютъ, что не нужно давиться, чтобы жить пріятнѣе. Уже нѣкоторые Французы признались, что ни мало не смѣшно обучаться иностраннымъ языкамъ; что можно имѣть разумъ и въ иномъ мѣстѣ, кромѣ Парижа, и что шаль и дерзость не вездѣ одинакимъ образомъ удачливы бываютъ. Уже нѣкоторые Испанцы за работу принялися, и дѣлаютъ въ мѣсяцъ то, что другіе народы дѣлаютъ въ сутки. Уже нѣкоторые Швейцары меньше походятъ на Швейцаровъ; нѣкоторые Голландцы не курятъ болѣе табаку, и готовятся издать намъ пятьдесятъ большихъ книгъ, наполненныхъ размышленіями,

которыя Амстердамскіе мѣщане между куреніемъ табаку учинили.

Но хотябъ сочиненіе было многотемно или нѣтъ, хотя хорошо, хотя худо написано, хотя важно, хотя бездѣльно, однакожъ оно не исправляетъ ни нравовъ, ни обыкновеній. Модная книга будетъ читана, но не смотря на ея причины, предложенныя въ пользу цвѣтныхъ и разпещренныхъ тисненій, черныхъ литеръ употреблять не перестанутъ. Я бы желалъ, чтобъ мнѣ представили хотя одну особу, которую бы чтеніе убѣдило и исправило, но я требую чуда. Никогда не катались по льду такъ скоро, ниже на конькахъ самыхъ, какъ нынѣ бѣгаютъ по страницамъ какого нибудь сочиненія. Отъ предисловія перелетаютъ къ концу съ удивительною быстротою, такъ что можно въ одинъ день читать по дюжинѣ сочиненій.

Мнѣ пришло нѣчто на мысль, и какъ это въ модѣ, чтобъ отдавать нынѣ въ тисненіе все то, что въ головѣ произходитъ, то вотъ что я думаю. Надлежалобъ учредить игру книжную, такъ какъ есть игра картожная: книги бы тасовались вмѣстѣ, и ихъ раз-

давали бы игрокамъ по двѣ, по три, или по пяти. Одна бы игра была Физическая, и карты, ее составляющія, были бы маленькія сочиненія *въ шестнатцатую долю листа* на подобіе Календарей, изъ коихъ бы одно содержало въ себѣ сокращеніе системы *де Картовой*, другое *Невтоновой*, а прочія прочихъ Физиковъ. Всякъ, кому бы попался *Невтонъ*, выигралъ бы непремѣнно; этобъ была изрядная карта. Напротивъ того кому бы *Гессенди* достался, тотъ бы проиграться долженствовалъ. Была бы также и стихотворческая игра: въ ней бы находили *Корнелія*, *Расина*, *Волтера*, *Кребильона*, *Пирона*, *Руссо*, *Гресета*, и NN. . . Но сія послѣдняя карта былабъ самая пагубная, вмѣсто того, что *Волтеръ* имѣлъ бы силу кометы. Гдѣбъ сіе имя ни появилось, оно бы служило окончаніемъ и выигрышемъ.

Изъ сего явствуетъ, что чрезъ моды и забавы, которыя кажутся самыми пустыми и бездѣльными, можнобъ было просвѣщать людей, дѣлая имъ увеселеніе; они бы по крайней мѣрѣ знали отъ нѣжной ихъ юности, какъ цѣнить надобно Авторовъ, и какую сте-

степень достоинства назначать онымъ, а этого и довольно; ибо всякъ, кто знаетъ нынѣ имена около шестидесяти Авторовъ и титулы ихъ сочиненій, имѣетъ право блистать повсюду и судить самовластно о наукахъ и литтературѣ.

Ещебъ была игра комедіантская, и въ сію-то бы игру предавались со всевозможнымъ жаромъ. О! какъ бы за игрою говорить стали о томъ, что только нравится; о томъ, что составляетъ единственный разговоръ всѣхъ бесѣдъ; о томъ, что придаетъ наилучшій видъ; наконецъ, чтобъ кратко сказать, объ актерахъ и актрисахъ! Карта *Грандваль* былабъ милымъ цвѣтомъ, картою любимою; а *Белькуръ* былъ бы картою за пометъ бросаемою. Въ сихъ бы играхъ и цвѣты перемѣнить слѣдовало, и вмѣсто того, что мы видимъ всегда черноту винъ да желудей, алую краску червей да бубёнъ, нашя бы книжки стали печататься фіолетовымъ, синимъ, жолтымъ, а наипаче зеленымъ цвѣтомъ. Карты наши ужаснымъ образомъ старѣть начинаютъ; я бы желалъ, чтобы ихъ оставили осьмидесятилѣтнимъ вдовицамъ,

вицамъ, а вмѣстобъ ихъ приняли въ употребленіе тѣ, кои мы совѣтуемъ. Надлежитъ возобновить видъ земли, и не имѣть ничего, кромѣ новаго; надлежитъ разговаривать новыми словами, играть въ новыя игры, ѣсть новыя кушанья, да и харкать совсѣмъ по новому манеру.

Коль бы много пріятностей открылось въ свѣтѣ, ежели бы послѣдовали моему плану! Книги бы пересматриваться стали, также какъ ленты и карты; и тогда кто бы уже читать не согласился? Требовалось бы подновить и болѣзни, а нѣкоторыя еще и вновь выдумать, о коихъ бы не бывало никогда ни малѣйшаго понятія. Въ началѣ сего вѣка найдены были *пары*, и сія прекрасная болѣзнь коль многихъ Лѣкарей обогатила! Тысячи лѣтъ прошли, какъ умираютъ отъ паралича, отъ апоплексіи, отъ горячки. Наконецъ это скучно становится. Для чегобъ не умирать отъ невѣрности, отъ отчаянія, отъ печали о потеряніи собачки, или о поврежденіи великолѣпной шабакерки? Послѣ сего надлежало бы, чтобъ лѣкарства

ства перемѣнили видъ и составъ свой. Антимонія окончилась съ прошедшимъ вѣкомъ, и ея мѣсто заступилъ меркурій. Нѣтъ теперь ни питья ни пилюли, въ которыя бы не примѣшивали меркурія. Но какъ пригожимъ женщинамъ и миловиднымъ господамъ, которыхъ нѣга чрезмѣрна, давать напитки такой черноты, которая привесть можетъ въ трепетъ, и такого вкуса, которой способствуетъ къ причиненію тошноты и обмороковъ? Все ревень да хинхина, манна да сеней. Неуже ли надобно лѣкарствами изнурять такихъ особъ, которыя довольно изнурены отъ болѣзней? Мнѣ кажется, что надлежало бы избирать изъ вещей пріятнѣйшихъ вкусу и зрѣнію врачеванія, способныя къ возстановленію здоровья, фіолетовой или пурпуровой, а притомъ и весьма вкусной сиропъ услаждалъ бы бѣднаго больнаго, а частобъ и жизнь ему возвращалъ. Желательно, чтобъ лѣкарства составляемы были изъ всего того, что въ натурѣ есть наипріятнѣйшаго: тогда бы всякой принималъ слабительное для забавы, вмѣсто того что наши женщины принимаютъ оное

отъ скуки и для различія дневныхъ своихъ упражненій.

Въ какую свободность мода привела народъ Французской? Тѣ, которые не знаютъ еще прекрасныхъ обыкновеній, имѣютъ принужденную учтивость. Я спорюсь, что Италіянецъ не приметъ тебя, ежели онъ случится въ шлафоркѣ: онъ считаетъ, что учтивѣе будетъ, естьли онъ затворитъ дверь отъ своего пріятеля и къ себѣ его не допуститъ; я спорюсь, что онъ не отважится позвать къ обѣду кого нибудь изъ своихъ знакомцевъ безъ церемоніи. Надлежитъ, чтобъ Италіянцы, естьли вздумается имъ позвать кого, просили снарядным образомъ за восемь дней прежде, и чтобъ они знали точно, пойдетъ ли онъ обѣдать: тогда уже видѣнъ бываетъ весь приборъ скучнаго церемоніалу, и гость точно удостовѣряется, что ему въ другой разъ никогда уже не бывать звану. Напротивъ того Французъ выходитъ въ шлафоркѣ, проситъ одинъ разъ вмѣсто всѣхъ, кто хочетъ къ нему итти кушать, за тѣмъ что Французъ любитъ жить, не хочетъ тратить всего своего доходу на ненужныхъ лошадей и слу-

жителей, и соглашается видѣть на столѣ другія кушанья, кромѣ *макарони* и *броколи*.

Надлежитъ надѣяться, что сей духъ моды, которой бы мы каждому влiять желяли, овладѣетъ вскорѣ всею Европою. *Уже* нѣкоторые народы въ Сѣверѣ начинаютъ себя щекотать, чтобъ могли смѣяться и выговаривать стали прекрасное слово роскоши. *Уже* не столько, какъ прежде, удивляются пылкости воображенiя, и у Нѣмцовъ не болѣе почитается, какъ полубезумнымъ, кто шутитъ съ прiятностiю.

Не иное что, какъ застарѣвшее обыкновенiе дѣлаетъ большую часть людей самодвижимыми болванами. Нѣтъ ничего чуднѣе, какъ сей творительной разумъ, которой дѣлаетъ изъ ничего важную вещь, и изъ человѣка низкаго состоянiя и ничего незнающаго дѣлаетъ Министра или Фельдмаршала. Вотъ чудеса, кои мы ежедневно видимъ, и это-то даетъ намъ преимущество предъ всѣми прошедшими, настоящими и предбудущими Героями.

Кста-

Кстати мнѣ пришло на умъ, что время бы уже было перемѣнить видъ нашихъ писемъ, и что съ тѣхъ поръ, какъ при окончанiи оныхъ именуетъ всякой себя весьма глупо покорнѣйшимъ слугою премногихъ такихъ особъ, коихъ бы онъ не захотѣлъ быть и господиномъ, надлежало наскучить всѣмъ разумнымъ людямъ, для чего уничтожимъ сiе выраженiе *покорнѣйшiй слуга*, которое употребляетъ дворянинъ, такъ какъ мѣщанинъ, и станемъ оканчивать наши письма такимъ заключенiемъ, которое отвѣтствуетъ матерiи. Такимъ образомъ человѣку отмѣнитыхъ дарованiй скажемъ: *я вашъ совершенной почитатель*; обходительной женщинѣ: *я весь вашъ*; богатой особѣ: *я вашъ принимаатель*; и такъ далѣе.

Какой это вздоръ! скажутъ многiе изъ читателей, и они справедливо это скажутъ. Модная книжка не соотвѣтствовала бы своей надписи, ежели бы она проповѣдывала одно только благоразумiе; ибо такова нынѣ мода, чтобъ дурачиться. Меня безъ сомнѣнiя критиковать станутъ, такъ какъ и типографщика; а сего-то мы и требуемъ. Я бы

весьма

весьма сожалѣлъ, естьлибъ мое сочиненіе похвалено было нашими Аристархами, которые умѣютъ только выписывать, обкрадывать, язвить и наводить скуку; однакожъ естьлибъ періодическія ихъ книги, кои суть прибѣжищемъ невѣжъ, разкрашены были цвѣтами, о коихъ мы упомянули, то можетъ статься, что онѣбъ читаны были отъ людей, доброй вкусъ имѣющихъ. Когда бы они хвалить стали какого нибудь Автора, то бы похвала ихъ печаталась розовымъ; а когдабъ стали порочить, то бы ихъ критика печаталась черным цвѣтомъ.

Въ сію минуту я извѣстился, что хотятъ слѣдовать моему плану, и подражать не слогу, но цвѣту сего сочиненія. Уже газетчики готовятся печатать свои Вѣдомости такимъ цвѣтомъ, которой бы отличалъ ихъ. Такимъ образомъ вѣдомость Аглинская будетъ кровянаго цвѣту, Голландская блеклолистянаго, Берлинская пламеннаго, Саксонская сѣрнаго, Вѣнская свѣтложелтаго, Парижская разноцвѣтнаго, Кельнская темноватаго, Лиштихская фіолетоваго.

Естьли каждой служитель носитъ ливрею господина, къ которому онъ принадлежитъ, и естьли каждой солдатъ носитъ одновидной мундиръ своего полку: то не не кстати, чтобъ книга возвѣщала какимъ нибудь отличительнымъ знакомъ Автора своего. Но сей знакъ не можетъ имѣть мѣста, какъ только посредствомъ цвѣтовъ. Черной оставленъ бы былъ священникамъ, которые пишутъ, кармазинной Государямъ, синій Министрамъ, желтый казначеямъ, зеленой всему свѣту.

Ежели какіе непріятели новости и щегольскихъ обыкновеній возстанутъ противъ новаго печатанія, которое мы ввести помышляемъ: то мы скажемъ имъ въ отвѣтъ, что отъ давняго уже времени печатаютъ золотыми литерами, и что самыя важныя и самыя священныя книги, какъ на примѣръ *служебники*, имѣютъ почти на каждой страницѣ красные характеры.

Мы живемъ въ такое время, въ которое ничто не противно, ничто не чудно, и въ которое можно предлагать самые необычайные проекты. Я бы не изумился, естьлибъ кто по многихъ разамы-

мышленіяхЪ вздумалЪ, что какЪ золото дѣлится на мужеской и женской родЪ, то можно совокупить ихЪ обоихЪ, и что слѣдовательно родятся отЪ нихЪ дѣти. Это безЪ сомнѣнія было бы весьма необыкновенно, чтобЪ видѣть отЪ новыхЪ луидоровЪ по прошествіи нѣсколькаго времени раждающихся полулуидоровЪ. ОднакожЪ не больше сіе удивительно, какЪ и Философской камень; и почему знать, чтобЪ кто нибудь не сдѣлалЪ опыту? Не иначе какЪ чрезЪ опыты люди совершаются; чрезЪ оные-то могЪ я отгадать, что зеленая книжка будетЪ имѣть расходЪ, и что она забавлять будетЪ читателей своею отмѣнностію.

КонецЪ первой Части.

МОДНАЯ КНИГА.

Часть II.

Здѣсь долженъ быть розанъ.

НОВАГО,
РАЗПЕСТРЕННАГО,
ЛАКИРОВАННАГО
И
ТОЧНАГО ИЗДАНІЯ.

ВЪ ЕВРОПѢ
у книгопродавцевъ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова,
1789.

ОДОБРЕНІЕ

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ я читалъ сію книгу подъ заглавіемъ: Модная книга Часть II, и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ

АНТОНЪ БАРСОВЪ

ГОСПОДАМЪ

и

ГОСПОЖАМЪ,

У коихъ поднимаются пары.

Государи и Государыни мои!

Зеленой цвѣтъ, такъ какъ и прочія моды, не больше осьми дней продолжался; предлагаю вамъ наилучшій румянецъ, такой же, какъ на прензрядно и жестоко-разкрашенныхъ вашихъ лицахъ сіяетъ, и такой, какому надобно быть по извѣстію искуснѣйшихъ Тронщеиновъ (*), чтобъ украсить и увеселить ваши пары. Какое удовольствіе находить на бумагѣ самое изображеніе прелестнаго вашего

 тѣла,

(*) Или Докторовъ.

тѣла; и притомъ видѣть этотъ хорошiй цвѣтъ, которой нынѣ украшаетъ видъ нашихъ щеголихъ и петиметровъ, которые очень красно рисовать себя умѣютъ! Эта книжка будетъ ситомъ, сквозь которое тяжкiя ваши безпокойствiя просѣются, и останутся однѣ прiятныя слабости, которыя къ забавамъ общества весьма пристойны: Я слѣдовать хотѣлъ по порядку отъ чернаго къ зеленому, а отъ зеленаго къ алому цвѣту, чтобъ показать вамъ, Государи и Государыни мои! что я во всѣхъ цвѣтахъ равно пребуду

Почитателемъ вашимъ
и слугою.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Книжки нынѣшняго вѣка продаются такъ какъ пирожки, горячими по дюжинѣ, и вдругъ ничего ихъ не остается. Первое Изданіе этой книги почти вдругъ разкупили, какъ скоро оно появилось, а и печать была не берюзоваго цвѣту, да и слогъ книги былъ не гораздо чрезвычаенъ, только титулъ и выдумка весьма сильно возбудили пригожихъ нашихъ Господъ и прелестныхъ нашихъ Барынь, которыхъ маленькая новизна въ восхищеніе привести можетъ.

Но чтобъ могло возпослѣдовать съ этою зеленою книжкою, какъ она у тысячи тысячь людей въ рукахъ перебываетъ? какавбъ ея была теперь судьбина? Безъ сомнѣнія изодрана она на бумажки для подвиванія волосъ нашимъ петиметрамъ, или на затычки къ хорошимъ склянкамъ съ лавандовою и бергамотовою водою у нашихъ кокетокъ, или на завертки брилiянтовыхъ пряжекъ нѣкоторыхъ порядочныхъ лакеевъ; конечно пострадала она такою же судьбиною, какъ и прочія человѣческія вещи. Стираются наилучшія краски, наитвердѣйшія пирамиды упадаютъ; Греческая и Римская Имперіи прекратились, такъ моды и пріятные наши виды прекратятся. Какое злополучіе! не предвозвѣщаетъ ли оно жестокое безчеловѣчіе?

Но оставимъ печальныя сіи разсужденія; они не касаются до розоваго Изданія.

Этотъ трудъ, наполненной пріятностями, долженствуетъ просвѣщать лицы, такъ какъ роза сама собою процвѣтаетъ; надобно быть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ иголкамъ по старой общей пословицѣ: что нѣтъ розоваго цвѣту безъ тернія; оной трудъ по своимъ хорошимъ мнѣніямъ долженъ пахнуть ароматами, такъ какъ розовые листочки, и слова его съ такимъ же порядкомъ разпоряжены быть должны.

О небо! какъ это пріятно! книжка розоваго цвѣта! Поистиннѣ скажутъ наши петиметры, нѣтъ способу удержатся отъ смѣху. Только какая выдумка! какой разумъ! Признаюсь, что это не темною краскою изображенныя мысли; а надобно знать, что въ свѣтѣ есть воображенія и розоваго цвѣту, то есть совсѣмъ пріятныя, прелестныя, и такія воображенія, которыя умѣютъ претворять самые удивительнѣйшіе объекты, и кои какъ пчелы и бабочки только на деревья и цвѣты садятся.

Я знаю людей, которые совсѣмъ въ черномъ ходятъ, и кои покупали бы безпокойство, когдабъ у нихъ того недоставало, и когдабъ оно на рынкѣ продавалось. Обширность сего свѣта кажется имъ чернымъ флеромъ, или сукномъ, что мертвыхъ покрываютъ. Знаюжъ другихъ, которые вве еру щекотить бы себя стали, естьлибъ днемъ не удалось имъ посмѣятся,

и которые на воздухѣ состроенныхъ хорошихъ своихъ замковъ ни за сто тысячь ефимковъ не уступилибъ; они веселятся самыми пріятнѣйшими пустыми мыслями, и ставятъ ихъ въ дѣло, имѣя по прихоти своей пять или шесть лучшихъ цвѣтовъ, въ которые они печальные и противные свои объекты наряжаютъ.

То-то щастливые люди! они всякой день сами съ собою смѣются; и ихъ бы нинакакъ не можно было принудить хотя на двѣ минуты, естьлибъ они хотѣли, и моглибъ то сдѣлать. Такого состоянія люди можетъ быть по модѣбъ не годились; потому что нынѣ безпрестанно по цѣлому порошку ипохондріи принимать надобно, а наипаче у двадцатилѣтнихъ нашихъ мудрецовъ, и тучу паровъ у семнадцатилѣтнихъ нашихъ притворныхъ набожницъ. Они немогутъ, не зная чѣмъ, страдаютъ безъ всякаго припадку, а только жалуются, и лицо свое по словамъ притворяютъ, поминутно кончаются, кушая и пребывая всегда благополучно.

Можно немочь по прихоти, это водится, и оное производитъ отъ времени до времени, такъ какъ дѣлаетъ нѣкоторая особливо любезная женщина, и которую я знать благополучіе имѣю. Она всю свою жизнь разпорядила съ такимъ удивительнымъ искусствомъ и предвѣденіемъ, что нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ сопряженіе

нїе тѣхъ минутъ, которыя цѣпь дражайшихъ ея дней составляютъ. Она для пзрові зазвѣнитъ въ колокольчикъ поутру; ибо она около своей постели довольно оныхъ имѣетъ для всякихъ нуждъ и припадковъ. Домашнїе великимъ числомъ къ ней приходятъ, и вдругъ Госпожа наша завемогши роскошно, возвращаетъ душу свою въ прїятномъ бульонѣ; въ бульонѣ, янтаремъ окуренномъ; и въ такомъ драгоцѣнномъ бульонѣ, которой самому божественному питїю уподобиться можетъ.

Послѣ сего опыту здоровье понемножку приходить начнетъ, усмѣхнется трижды, спроситъ о времени, въ пол вину глаза посмотритъ въ хорошую книгу, прочтетъ двѣ строчки, и полчаса пошутит. Докторъ придетъ, пощупаетъ пульсъ, которой всегда въ небольшемъ движенїи, увѣряетъ о порядочномъ бїенїи сердца, по томъ пошутитъ, и разскажетъ какїя нибудь похожденїя о старухѣ. Наконецъ придетъ вставать время, то есть полдни, двѣ камеръ-фрау поднимаютъ на руки, и относятъ притворную красавицу на драгоцѣнную софу, на которой она разъ пятьдесятъ позѣваетъ, и глаза опять закроетъ, такъ какъ бы еще дремала; ибо по обыкновенїю всегда часъ отдыхать надобно, проспавши десять. Вновь опять пробуждается, спрашиваетъ зеркала, и вдругъ кричитъ, будто она такъ дурна, что испугатся мо-

можно; украшенія перемѣняются, надѣваетъ ситцовое платье, натирается, подвиваетъ волосы, и намазываетъ ихъ многими духами. Принесутъ краски, натирается кисточкою, и сдѣлается такъ красна, какъ пѣтушій гребень; налѣпитъ нѣсколько мушекъ, почиститъ зубы, или три фальшивыхъ прикажетъ вставить, которые со всемъ тѣмъ ничѣмъ не отмѣняются отъ прочихъ. Такъ-то Госпожа наша препроводитъ утро дражайшихъ дней своихъ. Присовокупите къ тому, что она еще цѣлуетъ канарейку и ласкаетъ собачку, а временемъ и бранитъ свою камеръ-фрау, или вѣеромъ бьется; но какъ пріятно только бьетъ она по нескромнымъ пальцамъ молодаго (аббата, Игумна), которой обыкновенно при туалетѣ ея бываетъ, и которой гораздо въ пользу себѣ употребить же аетъ то время, какъ легкая занавѣска съ плечъ спадаетъ!

Въ воскресеніе любезная наша Госпожа проболтаетъ нѣсколько молитвъ; только съ такою невѣроятною скоростію, что она и сама себя не понимаетъ, и этотъ день опредѣленъ для позорищъ. Понедѣльникъ всегда проходитъ въ визитахъ, а вторникъ въ банкетахъ, середа совсѣмъ положена на гулянье, а четвергъ для маленькаго путешествія ко Двору; пятница пріятно проходитъ въ обществѣ съ разумными забавными людьми и съ стихотворцами, которые

дѣлаютъ эпиграммы; наконецъ субота не преминетъ никогда привести съ собою мигрену (*); такой-то день и надо; ибо онъ служитъ къ прогнанію не носныхъ, а допущаетъ только тѣхъ, которыхъ Госпожа желаетъ видѣть.

Сіе разпоряженіе видно, что и болѣзнямъ даетъ время; на оныя опредѣленъ только одинъ день въ недѣлю, да нѣсколько четвертей часа въ каждое утро, и этого времени довольно на модные припадки. Мнѣ очень это слѣдствіе полюбилось; ибо ужъ знаешь, чего держатся, и не будешь имѣть нещастія слышать, чтобъ Госпожа посреди своей забавы кричала, что она умираетъ, и все погибло, какъ это и случается со многими Госпожами, которыя дней своихъ учреждать не умѣютъ.

Надобно быть щеголихѣ и Париженкѣ говорливой, чтобъ почувствовать силу сихъ разсужденій; ибо что касается до провинціальныхъ женщинъ, которыя хотятъ, чтобъ ихъ любили, только надъ ними всегда смѣются, какъ скоро только онѣ появятся. Свидѣтельствуюсь сею деревенскою Госпожею, которая, говоря съ Королевою, называетъ ее сударынька, и описывая свой замокъ и уборы, называетъ вмѣсто мируаръ акадръ доре, или зеркалы съ золотыми рамами, мируаръ акадавръ доре, зеркала съ

(*) Головную болѣзнь, или прострелу.

съ золотыми мертвецами; а вмѣсто статью а пiедесталь, или статуи на пiэдесталяхъ, говоритъ статю а пiедетестабль, статуя на мерзскихъ ногахъ, и прочее. Правда, что нѣтъ ничего смѣшнѣе, какъ съ хорошаго образца худой списокъ.

Я предвижу всѣ чувства, которыя конечно возбудитъ сiя книга; и напередъ тому смѣюся; она прельститъ всѣхъ молодыхъ, которымъ свѣтлые цвѣты носить можно; но разсердитъ старухъ, которыя опричь фiолетоваго цвѣту надѣть не смѣютъ; а хотя Графиня де * * будучи въ шестьдесятъ три года, и носитъ розовыя съ голубыми ленты, однакожъ боится опять выттти замужъ, чтобъ не замучиться родами. Она обыкновенно три раза въ день ходитъ наряжаться, думая еще сыскать какого нибудь безстыднаго неучтивца.

Но пусть говорятъ, что хотятъ, а я тѣмъ не меньше стараться буду оттѣнивать, проницательными дѣлать, и всѣми красками разкрашивать мои мысли. Я хочу сдѣлать цѣлое собранiе книгъ, которыя бы цвѣтникъ составляли, и служилибъ какъ туалеткою, такъ и библiотекою нашимъ петиметрамъ. Да я и объявляю всѣмъ, что я упражняюсь теперь въ томъ, чтобъ выдавать всякой мѣсяцъ модной журналъ, и каждой изъ нихъ особливую будетъ имѣть свою краску. Генварь будетъ черною краскою, Февраль темною, Мартъ сѣрою, Апрѣль зеленою,

Май голубою, Іюнь пунцовою, Іюль вишневою, Августъ синею, Сентябрь фіолетовою, Октябрь желтою, Ноябрь золотою моровою, а Декабрь поблеклою краскою. Это будетъ подлинное собраніе цвѣтовъ; а какъ они вмѣстѣ будутъ, то это стоитъ Гобелиноваго и Мартыноваго лаку.

Это мода будетъ, да и скоро; я уже тѣмъ льщуся; черной цвѣтъ употребляться будетъ только для элегій, надгробныхъ надписей, панихидъ, и тѣхъ древнихъ разсужденій, которыя только намъ то повторяютъ, что уже сказано было назадъ лѣтъ тысячи за двѣ. Нынѣшній свѣтъ все видѣть хочетъ чрезъ увеличительныя стекла. Онъ только взглянетъ, чтобы всѣ книги съ авторами скоро и проходили, показавъ только нѣсколько хорошихъ цвѣтовъ и тѣней. И такъ видѣли зеленую книжку, видите и красную, а скоро увидите книжки и всякаго цвѣта, у которыхъ всякая строка отмѣнною будетъ краскою.

Уже давно большая часть переплетчиковъ торгуютъ книгами, такъ какъ выбойкою, не развернувши и не посмотря, хороши ли онѣ, или худы. Книги посылаются связками, и кладутъ безъ разбору Волтера, Бомеля, Монтескію вмѣстѣ съ калметомъ, Фонтенелевыми разговорами и съ сказками о богиняхъ, съ Персидскими и Жидовскими письмами, съ предиками Бурдалу, и того

Капу-

Капуцина, которой изъ трехъ хорошихъ похвальныхъ словъ могъ сдѣлать одно худое. И по этому не можноль сочинять книги, у которыхъ бы только хвалили краску? Но что я говорю? образуемся, и не будемъ искать себѣ похвалы отъ множества нелюдимцевъ, которыхъ мы пренебрегаемъ, а стараться будемъ нравиться и забавить. Пусть насъ хвалятъ, или хулятъ, да пусть хоть и насмѣются; мы не требуемъ больше. Нашъ свѣтъ не былъ бы столь возбужденъ и хорошъ, естьлибъ онъ не царапался и не кусался. Да и намъ, какъ свѣтъ знающимъ людямъ, которой мы видѣли не сквозь лазею, не извѣстноль, что дураки, которыхъ число не мало, имѣютъ привилегію порочить то, что они не разумѣютъ, вооружаются критиками на все, чтобъ ни выходило, и испускаютъ глупость свою чрезъ всѣ свои поры. Это между ими, что разумъ положа въ ясли, а здравой разсудокъ въ передникъ, доказываютъ, спорютъ, или лучше свистятъ, каркаютъ и лаютъ.

Я не предостерегаю моихъ читателей, что это новое изданіе гораздо рознится отъ тѣхъ, въ которыхъ часто строкъ пять шесть бываетъ лишнихъ, хотя большими литерами и напечатано, пересмотрѣно, поправлено, пріумножено, и съ старымъ никакого сходства не имѣетъ: я чаю, что догадаются, и справедливо заключатъ,

что

что о модахъ наука неизтощима, что она больше на себя беретъ разныхъ видовъ, нежели Протей (*), и больше имѣетъ рукъ, нежели Бріоше; она съ удивительною быстротою переходитъ изъ бѣлаго въ черное, похваляетъ ввечеру то, что поутру она хулила; она воскрешаетъ, оживляя мертвыя кости и гнилыхъ мертвецовъ, подкрашивая ихъ, и дѣлая осмидесятилѣтнихъ женщинъ молодыми, наполняя ихъ любовію, окуривая ѳиміамомъ, и окупывая ихъ въ анишарныхъ и выхухольныхъ водахъ.

Да для чего и эта модная книжка не орошена благовонными водами? Ее конечно окропятъ. Желаю, чтобъ она на минуту побывала въ рукахъ у щеголихи, и съ четверть часа полежалабъ на уборномъ столикѣ удачливаго Офицера, чтобъ ее на пятьдесятъ шаговъ чувствовать было можно. Скоро будетъ она имѣть духъ наилучшихъ цвѣтовъ, такъ какъ она имѣетъ краску.

(*) Протей, которой часто перемѣняется, и для того Поэты употребляютъ оное имя.

МОДНАЯ
КНИГА.

Ну, скорѣе, скорѣе проходи эта книжка, пусть ее похулятъ, только чтобъ послѣ ее прочитали; для того что этотъ цвѣтъ въ модѣ, и можетъ быть не больше полутора часа продолжится. Я ужъ предвижу совсѣмъ небесную женщину въ блѣдноголубомъ нарядѣ, которая вкусъ свой внушить хочетъ. Она гуляетъ, и дѣлаетъ головою знаки только для того, чтобъ любимому цвѣту своему больше придать хорошаго вида. Ахъ! я трепещу. Три петиметра уже подходятъ, и пытатъ превозносными своими похвалами о пріятностяхъ того наряда, котораго я опасаюсь. Этожъ самые тѣ петиметры, которые однимъ одобрительнымъ словомъ минувшаго года ввели въ моду седюисантъ илезардовъ, головные сія

жен-

женскіе драгоцѣнно прелестные уборы. Ахъ, бѣдная моя книга! что возпослѣдуетъ съ тобою, естьли ты теперь не пробьешься въ знатные съѣзды, и не присообщишь красокъ своихъ къ такогожъ цвѣту платьямъ, которыя еще теперь носятъ? Старшая твоя сестра въ зеленомъ не смѣетъ теперь уже и появиться. Повторяю еще, поспѣшай скорѣе, тебѣ только съ часъ время осталось прославить себя, или еще и меньше.

Какъ вещи здѣсь на землѣ скоро проходятъ! Какая пространная матерія къ Философскимъ разсужденіямъ о тлѣнности и суетахъ сего свѣта. Уборъ, который выдуманъ тысячію покушеніями разума, и которой можетъ быть бытіемъ своимъ обязанъ двумя милліонамъ простегиваніямъ иголкою, многимъ трудамъ и сидѣнію, а не продолжается больше одного дня, такъ какъ тѣнь проходитъ, и не возвращается больше. Рытой бархатъ, которой по нѣсколькихъ лѣтахъ выдуманъ разумомъ самыкъ искуснѣйшихъ мануфактурщицъ въ Европѣ, не побудетъ одного мѣсяцу, и въ прежнее небытіе свое приходитъ. Парикъ, голубинымъ крылышкомъ, или ка-

бріолетомЪ сдѣланной тысячію стараніями всего перукмахерскаго общества; и надЪ которымЪ держать надлежало спорЪ, такЪ какЪ вЪ самой славной Сорбонской Академіи, не успѣетЪ только сЪ душистою пудрою появиться, и вЪ тужЪ почти минуту и продаетЪ. Новомодная карета, называемая дезоближантЪ (*), которую столькожЪ мудрено было выдумать, какЪ и ея имя, и которая опытомЪ была всего каретнаго искусства, которую наконецЪ за чудо вЪ свѣтѣ показали, и которая какЪ твердь наведена была свѣтлолазоревою краскою; и та, вышедЪ изЪ моды, спрятана вЪ сарай на вѣчное сохраненіе. СоусЪ изЪ карпія, подправленной тысячію пряными кореньями, за которымЪ много стряпанія было, и которой стоилЪ больше шести сотЪ ливровЪ, не смѣетЪ больше недѣли явиться на столЪ у шацмейстеровЪ нашихЪ, и уступаетЪ мѣсто свое голубому и зеленому рагу, которой стоитЪ гораздо больше, и которой опредѣленЪ собирать великой хороводЪ тѣхЪ хищныхЪ птицЪ, которыя вЪ троурѣ ходятЪ.

(*) Неучтивая.

Мнѣ и не удивительно, естьли эта книга съ перваго взгляда покажется; хотя она дѣлана ни стараніемъ разума, ниже образцемъ; ниже собраніемъ ученыхъ, а писалъ я ее только для забавы вечера съ четыре. Нѣтъ, нѣтъ! этобъ была не модная книга, естьлибъ она долго продолжалась. Хотя книжка эта и розоваго цвѣта; но ей также проходить надобно. Я доволенъ, естьли въ нее посмотрятъ, и понюхаютъ; больше ей требовать не надо.

Я не приписую книгу сію потомству; ибо первое, что она не дойдетъ по своей надписи; да и былабъ она тогда старинная книга, и не соотвѣтствовалабъ своему титулу; я желаю только, чтобъ она полежала нѣсколько минутъ на софѣ Герцогиня де. . . . и на туалетѣ Кавалера де. . . . Эта прелестная парочка похожа на Венериныхъ голубковъ, также пріятно вздыхаетъ, какъ и они; чиста чрезвычайно; и всякой день въ царство сладчайшихъ забавъ отлетаетъ. Моябъ книга была весьма щастлива, естьлибъ это благополучіе воспослѣдовало съ нею. Но какая эта для нее будетъ слава, естьли

она

она будетъ служить въ забаву Доринѣ, маленькой постельной собачкѣ, которая ее издеретъ въ листочки, по томъ порядочно ее соберутъ для сдѣланія подвивальныхъ бумажекъ на какую нибудь безумную, но порядочно убранную голову! Вотъ лучшій успѣхъ, котораго ей дожидаться надобно. Дай Богъ, чтобъ и всѣ авторы не больше этого желали!

Но какъ разумъ въ разсужденіи модъ гораздо замысловатъ, то какъ узнать, можетъ быть эта книга и годна будетъ на уборы нѣкоторыхъ барынь; наряды ихъ дѣлаются изъ толикаго множества составленныхъ вещицъ, что вырѣзки ихъ перемѣняются, и умножены безконечно. Славная Гжа. Тордіо, по объявленію Буалову, сыскала средство сдѣлать себѣ драгоцѣнную юбку изъ писаннаго атласа, на которой читать можно было Аргументабора; да мы и на нашемъ вѣку видимъ табакерки изъ жеваной бумаги. Такъ можетъ быть и эту книжку стерши, просѣютъ, и сдѣлаютъ красной порошокъ для чищенія зубовъ, или на разкрашиваніе волосовъ; ибо этого искусства еще недостаетъ въ

насЪ, чтобЪ разрисовывать волосы живы-
ми и прочными красками.

Оставимъ старыя употребленія, и представимЪ здѣсь себѣ голубые волосы сЪ бѣлымЪ лицемЪ на подобіе алебастра; и фіолетовые волосы, которые бы желтой лобЪ украшали: это выдумка конечно былабЪ похвальна. Есть на землѣ совсѣмЪ красные и черные люди, имЪ дивятся. Да и Китайцы хорошо разкрашивают свои ногти.

Многіе почлибЪ это дурачествомЪ, да и наши отцы почлибЪ за дурачество, увидя насЪ сЪ красными каблучками, и вЪ такихЪ башмакахЪ, что вся нога наружи, вЪ шляпахЪ сЪ ладонь величины, вЪ парикахЪ, схожихЪ на хохолЪ птичій, и вЪ двойныхЪ кружевныхЪ манжетахЪ. ОнибЪ безЪ сомнѣнія кричали: это не люди, но самыя куклы! Ничево не надо дѣлать вЪ половину; намЪ надо или опять носить наши усы и старые воротники, или часЪ отЪ часу платья и уборы наши украшать больше.

Не смѣшноль видѣть еще до сихЪ порЪ такихЪ странныхЪ людей, у которыхЪ парики висятЪ пальца на три ниже уха? Лицы ихЪ, естьли смѣю

сказать; такъ изгажены этою гривою; что они больше на кудрявыхъ собакъ похожи. Есть люди въ свѣтѣ, которые ни вкусу, ни чистоты, ни краснорѣчія не имѣютъ; есть и такіе, которые лучше хотятъ сохранить свою добродѣтель, нежели по Адонисову украсить свое тѣло. Это-то заблужденіе древнихъ вѣковъ.

Нынѣ можно быть и бездѣльникомъ, толькобъ было богатое платье; это уже въ свѣтѣ вошло въ обычай. Напередъ сего хваливали человѣка, вѣру сохраняющаго и тотъ обычай семнатцать вѣковъ продолжался; а нынѣ хвалятъ того человѣка, которой вѣры не имѣетъ, и красно разсказываетъ о томъ всему свѣту.

Какъ времена перемѣнились! Отцы наши никогда не садились за столъ, не помолясь Богу, а нынѣ пропадетъ и самой честной человѣкъ, естьли только перекрестится однажды; отцы наши просто вѣровали тому закону, которой начался отъ созданія свѣта, а мы теперь хотимъ перемѣннаго закона, такъ какъ наши моды; отцы наши подлинно увѣрены были о безсмертіи души нашей, а

а мы славно принимаемъ въ усыновленіе къ себѣ корольковъ и ушокъ, вмѣсто брашьевъ и сесшеръ нашихъ, думая, что и они шакоежъ созданіе.

Ахъ! какой славной нашъ вѣкъ! какое преизрядное ошкровеніе! и какое безчесшіе ошцамъ нашимъ, что они родословія своего не знали, которое со скошами родсшвомъ ихъ совокупляло! И какая неблагодарносшь, что они не обнимали собаку, шакъ какъ двоюроднаго своего браша! Ибо есшьли наконецъ все вмѣсшѣ съ нами прекрашишся, шакъ какъ наши осьмнашцашилѣшніе Философы разсуждаюшъ, то и нѣшъ никакого посредсшва; усшрица наша сесшра, а змѣй нашъ брашецъ. Есшьли эшо будешъ прошивно, есшьли слова сіи покажушся неправны: то можно ихъ усладишь, приписавши и самымъ звѣрямъ шишулъ высочесшва, свѣшлосши и превосходсшва. Я признаюсь, чшобъ мнѣ очень хошѣлось слышашь, есшьлибъ назвали кошку, или ворону ваше высочесшво, или ваше превосходишельсшво, а медвѣдя бы увидѣшь въ голубой, или въ алой кавалеріи. Хошя все эшо покажешся глупо и смѣшно, однакожъ сходно съ важносшію

шого

шого сравненія, кошорое дѣлаюшЪ между нами и скошами.

Но осшавимЪ Философію, хошя по модѣ можешЪ бышь и надобнобЪ было изЪ нее мѣшашь нѣсколько словЪ вЪ присшойныхЪ мѣсшахЪ. Женщины наши, да и самыя хорошія сЪ ревносшію напоминаюшЪ Невшона, и разсказываюшЪ Паскаля; не однокрашно примѣчено, что онѣ сихЪ авшоровЪ шолько для шого чишали, чшобЪ заснушь поскорѣе. И наконецЪ шо вмѣсшо соннаго порошка, шакЪ какЪ макЪ принимали. Помню, чшо я иногда бывалЪ при шуалешѣ одной Госпожи, кошорая чишая сшрогаго и славнаго Моралисша Николя, румянила свое лице, а временемЪ и пѣсенки разпѣвала; нашижЪ модные Господа часшо горами сшавяшЪ Философскія книги на своихЪ уборныхЪ кабинешахЪ, а нѣкоторымЪ изЪ нихЪ случаешся и прочесшь вЪ два мѣсяца Календарную шабличку.

Но какЪ время весьма драгоцѣнно: шо я не думаю, чшобЪ нашимЪ пешимешрамЪ на чешвершь часа было досугу; всшаюшЪ вЪ полдни, умываюшся, мажушся, орошаюшЪ себя благовонными водами, смошряшся вЪ зеркало, браняшся,

ся, одѣваются, разсказываютъ камердинеру своему щастливыя встрѣчи, свои проигрыши, и возбудя его разговорами своими, принудятъ сыскать тритцать, или сорокъ луидоровъ, въ которыхъ крайняя имъ нужда; по томъ сходятъ, садятся въ карету, выкинутъ нѣсколько цыдулокъ, и такъ пріѣзжаютъ къ обѣду, которой продолжается до пятаго часу, пьютъ кофе, поиграютъ съ собачкою, подразнятъ попугая, просвищутъ какую нибудь хорошую женщину; тутъ придетъ время ѣхать на комедію, въ которую и поскачутъ, давятъ народъ, становятся на театръ, смотрятъ въ стеклышко, пріѣзжаютъ въ оперу, и остаются тамъ до окончанія; по томъ поѣдутъ въ игру, или поговорить съ кѣмъ наединѣ, наконецъ ужинаютъ. Три часа пробьетъ, клянутъ своего кучера, которой пьянъ, или еще не пріѣхалъ; возвращаются домой поючи, или божася; надѣваютъ колпакъ, которой весь въ кружевахъ и въ фонтанжахъ, по томъ рубашку съ двойными манжетами, и ложатся совсѣмъ сонными на драгоцѣнно-роскошную постелю; Пикардъ задергиваетъ завѣсъ, Сен-Луи гаситъ восковыя

свѣчки,

свѣчки, камердинеръ подходитъ, спрашиваетъ, въ которомъ часу будить себя прикажетъ. Уже совсѣмъ и започивалъ, и такъ спать будетъ до полудни; ибо это слово для выговору пріятно.

Ну, теперь время научаться! только это со временемъ рѣшить можно; смѣются закону, и всѣмъ его доказательствамъ; увѣряютъ, что всѣ науки суть одни предупрежденія. Всякой имѣетъ разумъ, а учеными могутъ назваться только тѣ, которые знаютъ моды.

Моды изключаютъ мужа изъ собственнаго его дому, велятъ ему прощаться съ госпожею хозяйкою, и позволяютъ посѣщать оперную дѣвочку; моды научаютъ (Игумновъ/ аббатовъ) говорить о бездѣлкахъ, дѣлать минки, брать на себя рѣшительной видъ, и приходить въ хороводы; модыжъ услаждаютъ разговоры, и приводя ихъ въ уравнительной и въ превосходительной степени, склоняя ихъ по выговору, по голову, соотвѣтствующему рангу, по лицу, и по платью; модыжъ украшаютъ женщину отъ головы до ногъ пріятностями своими, и снабдѣваютъ изобильно ее уклоненіями головы, нерадѣтельными усмѣщками,

ками, статнымъ битьемъ вѣера, щеславнымъ хохотаньемъ, умышленными взглядами, наморщиваніемъ бровей, обкусываніемъ губъ, сморщиваніемъ лица, пожимками тѣла, пріятными видами, рѣзвостями и притворными поведеніями; модыжъ наконецъ приводятъ лакея къ глупости, научая, какъ надо ему быть горду, смѣлу, рѣзву и безстыдну; модыжъ даютъ ему право носить золотые часы, бѣгать въ бархатномъ платьѣ, такъ какъ и Господинъ его, по егожъ орошаться водами, называться его именемъ. Лакеи хорошаго поведенія не инако между собою называются, какъ Герцогами и Графами, у которыхъ они служатъ, и это уже принято въ обычай.

Признаемсяжъ, что Парижъ, гдѣ оные обычаи процвѣтаютъ, есть наилучшій городъ, и въ немъ только найти можно настоящее благополучіе.

Какія тамъ пріятныя гульбища! Княжны, такъ какъ и мѣщанки, приходятъ и отходятъ безъ провожанія, ворчатъ пѣсенки и новыя вѣсти, говорятъ о политикѣ и о модахъ, разсуждаютъ о Философіи и о лентахъ, и все вмѣстѣ мѣшаютъ, чтобъ составить перемѣну

кра-

красокъ, такъ какъ на марморѣ. Лицы измѣняются, такъ какъ блекнутъ листочки; тамъ въ вольности, Италіянцамъ неизвѣстной, а иноземцамъ противной, всѣ знаки почтенія отложены, а величается всякъ, показывая себя смѣючись и разговаривая; тамъ Сіятельство о семидесяти шести колѣнахъ, гуляя пѣшкомъ со множествомъ подлаго народа, не опасается потерять своей чести; ибо тамъ всѣ равно сіяютъ, то есть всѣ хороши, ласковы, забавны, и не требуютъ ни малѣйшихъ поклоновъ, и шляпою не трогаютъ; тамъ искренно обнимаются и веселятся, пересылая другъ къ дружкѣ помощію зефира множество вихрей разныхъ душистыхъ пудръ; тамъ развалясь на травѣ, изпещренной цвѣтами, разсматриваютъ всѣ благородства, которыя только отъ разума и модъ родиться могли. Ахъ, Парижъ, Парижъ! въ тебѣ только и живутъ, а въ прочихъ мѣстахъ родятся, какъ одинъ изъ нашихъ любезныхъ стихотворцевъ то и объявляетъ. Другія земли, преисполненныя неблагодарностію, ругаяся послѣдуютъ тебѣ, и бываютъ отъ того смѣшными подражаніями хорошихъ твоихъ манеровъ.

Я

Я дивлюсь, какъ вздумаю о томъ чрезвычайномъ разумѣ, которой въ Парижѣ. Онъ сіяетъ въ хороводахъ, гдѣ его другъ къ другу пересылаютъ, и онъ такъ какъ перышко летаетъ отъ одной ракеты на другую. Сколькожъ остро умныхъ загадокъ! сколько соотвѣтствій! съ половины слова все понимаютъ; что я говорю? и такъ еще догадываются. Самая маленькая торговка открываетъ сердце свое наилучшими словами, и можетъ представить самую Герцогиню, съ точнымъ ея разговоромъ. Я думаю, что естьли это еще больше продолжится, то Парижане продавать будутъ разумъ, такъ какъ тамъ пріятности продаются; ибо теперь хотятъ, чтобъ все было по Французски, такъ какъ прежде все было по Римски; и это столь сильно овладѣло свѣтомъ, что Гжа де * * * недавно приказала утопить двухъ лучшихъ любимыхъ своихъ собачекъ за то, что она думала, будто онѣ не лаютъ по Французски. Съ какимъ отчаяніемъ послѣдуютъ Парижу!

Только, спустя нѣсколько лѣтъ, еще не то будетъ; ибо моды перемѣняются

безпрестанно, и отъ часу больше приходятъ въ совершенство; подлинно у мужчинъ будутъ фарфоровые аксельбанты, а женщины носить будутъ паутинное платье; да и не худо это будетъ сверьхъ розовой юбки. Челноки дѣлать будутъ изъ бабочкиныхъ крыльевъ, браслеты изъ червей, которые свѣтятся, рубашки камартковыя, шапки изъ леденца, ибо оной также свѣтится; штаны кисейныя, чулки изъ лебединаго пуху, кошельки къ волосамъ тканые золотые, шляпы красныя, зеленыя и желтыя ситцовыя. Игумны наши уже носятъ голубые тафтяные воротнички вмѣсто батисту; уже они носятъ и кружевныя манжеты днемъ, а ночью и съ фонтанжами надѣваютъ; имъ недостаетъ только быть въ родахъ, чтобъ представить женщинъ въ самомъ совершенствѣ.

Станемъ теперь говорить о прежнихъ слабыхъ, одноголосныхъ, и что всего хуже ученыхъ разговорахъ. Они всякаго разумнаго человѣка задушали; нынѣжъ, будучи совсѣмъ превосходными, возбудительными и гораздо забавными, электризируютъ самыхъ глупѣйшихъ лю-

людей, искорки изъ нихъ вытягая. Говорятъ тамъ о Баронессиномъ вѣерѣ, называя его совсѣмъ прелестнымъ и лучшаго вкусу; слышатъ тамъ самыя завистныя новости. Бѣдная маленькая Графинина собачка такъ хороша, какъ самая чистая звѣзда, переломила у себя лапку, и теперь на трехъ ножкахъ осталась. Читаютъ же тамъ титулы нѣкоторыхъ удивительныхъ книгъ; на примѣръ прозрительная и догадливая мышь, политическая черепаха, попугай петиметръ, и прочее; разсуждаютъ тамъ о политическихъ дѣлахъ; Швейцарскимъ кантонамъ надлежалобъ женитьса на Венеціянской республикѣ. Естьли война продолжится, то земля такъ покраснѣетъ, какъ алое сукно. Господинъ Фердинандъ рѣки такъ какъ мосты переходитъ, Австрійская армія походитъ теперь на ужасной часовой будильникъ; миръ удаляется отъ часу больше, развѣ его только невзначай подцѣпятъ.

Такіе-та нынѣшніе модные разговоры. А чтобъ дать о нихъ точнѣйшее понятіе, то мы сообщимъ здѣсь разговоръ Маркизы Жонкили съ Графомъ Гримантиномъ и съ Баронессою Карфанцельшею.

Этотъ разговоръ самаго новаго вкусу, и пропустить его жаль. Сцена сія произходила недавно въ Барамонторовомъ домѣ.

Маркиза.

Право ты удивителенъ, Г. Графъ! А! что до того касается, я тебя не прощу; отдаю на разсужденіе всей компаніи. Господинъ этотъ пріѣхалъ ко мнѣ поутру, и услыша отъ моихъ людей, что я больна была головою, и еще не просыпалась, онъ, раза три прошедъ по моему залу, сожегъ отъ бѣшенства мои ширмы, придвинувъ ихъ къ камину гораздо близко; естьлибъ не Мартона, одна изъ моихъ женщинъ, то весь бы мой домъ въ уголь оборотился, да и я была бы теперь кучка пеплу.

Графъ.

Какъ, сударыня! Мартона все это вамъ такъ хорошо разсказала? Я право не думалъ, чтобь она такъ была разумна. Вѣдаетель, что это разсказаніе составляетъ цѣлую картину? Со всемъ тѣмъ оставимъ эти разговоры. Вы преизрядно находитесь; я чрезмѣрно тому радъ, и совсѣмъ прельщенъ, что васъ опять увидѣлъ. А маленькая ваша Малтійская собачка! вы ужъ о ней и не говорите. Ахъ! какая

какая эта забавная мошенница; она всегда приходила къ камину, только нынѣ разумно она сдѣлала, что не пришла; я великую ей за то имѣю благодарность; ибо у меня такая чувствительная душа, что я отъ собачьева смороду въ обморокъ упадаю.

Маркиза.

Какъ ты всегда шутливъ, всегда насмѣшливъ! Куда ты вчерась ѣхалъ въ блестящей каретѣ? Ты пролетѣлъ какъ вихрь. Я была на валу Тюеллерійскомъ, и оттуда видѣла, какъ ты проскакалъ. О моей собачкѣ ты печешься, а о своихъ лошадяхъ нѣтъ.

Графъ.

О! что мнѣ нужды до лошадей! Это смѣшной вопросъ; у меня все равно, что лошади, что люди, то есть мало я о нихъ забочусь. Но понеже вы обо всемъ знать хотите, сударыня! такъ ужъ мнѣ быть оставаться нескромнымъ; чтожъ дѣлать! Я на минуту ѣздилъ къ Герцогинѣ д * * * и надъ нею-то я больше всѣхъ смѣюся; но чрезъ нее прошу я Министра о полученіи Бригадирскаго чину; а то Полковникъ

да

да Полковникъ; уже ихъ шакъ умножилось въ нашихъ арміяхъ, какъ дождя, и . .

Маркиза.

Перемѣнимъ разговоры; ибо я хочу шебѣ показашь Гжу. Баронессу Карфанцель. Да вошъ и она; она пріѣхала изъ чужихъ краевъ, да и сама она чужестранка.

Графъ.

Радуюсь, сударыня! что васъ вижу. А! шакъ вы изъ чужихъ краевъ пріѣхали! или, лучше сказашь, вы иностранка; право, я думаю, что ужъ шамъ несносное жишье. Сколь мало я ни былъ въ Ишаліи и въ Нѣмецкой землѣ, а еще дрожу, и пары у меня поднимаюшся, какъ о шомъ вспомню. Да что шамъ говоряшъ? Думаюшъ ли шамъ? Есшь ли еще шамъ генеральные съѣзды, кудабъ весь городъ собирался? О! это шакія обхожденія, гдѣ никакъ не обходяшся; гдѣ всшрѣчаюшся будшо для шого, чшобъ засуешишься; гдѣ играюшъ, шакъ какъ учашся; гдѣ Госпожи разряженныя, какъ въ Свѣшлое Воскресенье, сшучашъ шолько своими вѣерами; гдѣ шысяча людей безпресшанно обезпокоивашь приходяшъ; оные кажушся, какъ изъ за-ширмъ, или

изъ подъ подсолнечника вышли, ходя взадъ и впередъ безпрестанно; тамъ смѣются только въ назначенное время, въ одинъ часъ всѣ оттуда уходятъ; наконецъ же не льзя тамъ по волѣ своей злословить; ибо тетки съ племянницами, да мужья съ женами и съ дѣтьми компанію составляютъ. Пусть благополучно пребываютъ наши особливыя компаніи! въ нихъ-то наслаждаются самымъ лучшимъ веселіемъ безъ всякаго принужденія.

Баронесса.

Какое предупрежденіе, государь мой! я довольно наслышалась, что въ Парижѣ особливые свои обычаи наблюдаютъ: такъ вамъ и кажется, что здѣшнія поведенія и не смѣшны.

Графъ.

То правда, что нѣтъ, для того что вы иностранныя; съ вашимъ свирѣпствомъ подаете сами причину надъ вами смѣяться, когда вы дѣлаетесь Французами весьма страннымъ маніеромъ. Иное дѣло вы, сударыня! весь Парижъ васъ знаетъ, вы хорошо воспитаны; только посмотрѣть, то уже обмануться не можно. Напротивъ же того какъ

смѣшны

смѣшны тѣ иностранцы, которые насъ передразнивать дерзаютъ; и что за досада подражать намъ? Комедіантъ, которой представляетъ Короля, всегда бѣднымъ Королемъ остается.

Маркиза.

Вы оба спорите, а сами себя не знаете. Я васъ помирю, прошу завтра ко мнѣ отужинать, и наша компанія не больше будетъ, какъ въ шести человѣкахъ.

Графъ.

Вы думаете, что я ужъ и безъ дѣла буду; мнѣ по крайней мѣрѣ надо завтра быть на тринатцати уговорныхъ мѣстахъ.

Маркиза.

Скажи лучше, что у тебя только одно мѣсто, и всегда у одной женщины; я уже знаю, куда у тебя проложена дорога. Это право очень глупо, что ты насъ оставляешь для одной гораздо посредственной персоны.

Баронесса.

Вотъ то-то несносно въ этой землѣ, все тамъ безъ разбору; самая простая женщина можетъ требовать такой же

 чести,

чести; какъ и знатная Дама. Признаетесь ли, что это заблужденіе?

Графъ.

Что до меня касается, я знаюсь только съ пригожими Госпожами; да думаю, что такъ благородно и разсуждать надо; въ компаніи не такъ, какъ въ духовномъ собраніи или въ орденѣ, гдѣ до тритцати двухъ колѣнъ доказывать надо. Никогда хорошо не веселятся, естьли въ забавахъ будетъ церемонія. Церемоніи надо дѣлать въ церкви, поклоны у Пословъ, а чины разбирать при Дворѣ.

Маркиза.

Ахъ! какъ твой Лавердюръ (*) перемѣнился, я его вчерась не узнала; какъ онъ принесъ ко мнѣ отъ тебя эту книжку. Ты этому бѣдному мальчику не даешь выспаться, у негожъ зубы падаютъ.

Графъ.

Видно, что вы женщина; какъ вы много сожалѣете о моихъ людяхъ! онѣ послѣ нашей поѣздки еще и хуже будетъ;

(*) зелень.

детъ; ибо тамъ не откармливаютъ. Впрочемъ онъ насмѣшникъ, и столько безстыденъ, сколько подлъ своимъ родомъ; онъ на стѣнь свою смотритъ, далеко плюетъ, и только три раза въ день сморкаетъ; какое это бѣдствіе, чтобъ имѣть домашнихъ! они только озлобляютъ. Только я своихъ богато въ позументы наряжаю, и съ ними вмѣстѣ смѣюся, они всѣ мои улусы и компаніи знаютъ; и правда, что у нихъ нѣтъ въ деньгахъ недостатку: великіе они гуляки; со всемъ тѣмъ очень видны; для того-то я ихъ отъ себя и не отпускаю. Ахъ, сударыня! въ этомъ-то можетъ быть другія земли превосходятъ нашу. Домашнія тамъ какъ выпускныя куклы; они слѣдуютъ за своимъ Господиномъ, такъ какъ стѣнь ходитъ за человѣкомъ; они всегда стоятъ какъ статуи, и чтобъ у нихъ ни спросили, всегда только у нихъ и отвѣту: я, или, си, то есть, да; я бы и четверти часа съ эдакими людьми не прожилъ.

Маркиза.

Это правда, Графъ! и я такогожъ мнѣнія. Я люблю быть въ компаніи съ разумными людьми, которые меня понима-

нимаютъ; люблю также острые глаза и пріятной видъ у человѣка, а большія обезьяны сносны мнѣ только тогда, какъ онѣ сидятъ въ каминѣ; чтожъ до звѣрей касается, мнѣ надобно, чтобъ совсѣмъ была собака, или кошка. Разумъ мнѣ нравится, въ какомъ бы онъ человѣкѣ ни былъ, также и становитое тѣло; глупой и нестатной человѣкъ въ домѣ несносенъ, чтобъ имѣть его всегда предъ глазами.

Баронесса.

Со всемъ тѣмъ всякая земля имѣетъ свои обычаи; только я дивлюсь, какъ всякой день Господа ходятъ пѣшкомъ безъ лакеевъ. Признаюсь, что мы прочіе иностранцы почитаемъ за неотпустительной грѣхъ выттти безъ человѣка.

Графъ.

Для того-то вы и живете, сударыня, въ вѣчномъ невольничествѣ; пріятностей жизни безъ того не узнаешь, когда не будешь наслаждаться тою вольностію, чтобъ быть самому съ собою. Но можноль этотъ разговоръ разумѣть, не будучи рождену въ Парижѣ?

Мар-

Маркиза.

Все зависитъ отъ того, какъ кто воспитанъ; ибо природа въ томъ никакого участія не имѣетъ. Слава Богу, что наши дѣти въ пять лѣтъ еще научаются хорошимъ манерамъ, и тогда ужъ знаютъ разсуждать о модахъ, какъ дѣлать платье, и какъ на себя хорошій видъ принять надо. Маленькая Факшонета, что умерла прошлаго году, такое хорошее и совершенное было дитя, что украсть бы ее надо; она терпѣть не могла, естьли у которой Госпожи не было благовонныхъ водъ и на лицѣ мушекъ.

Баронесса.

У насъ разумъ не такъ скоро разцвѣтетъ, только здравой разсудокъ гораздо прежде поспѣваетъ.

Графъ.

Здравой разсудокъ, игра гусѣкъ и бабушкины сказки могутъ за одно почесться. Какая эта дурная битая дорога! одни только хорошія вещи пріятны; здравой разсудокъ, божусь, что никуда не годится. Мнѣ кажется, что онъ ходитъ въ большомъ парикѣ, только три раза ротъ раззѣваетъ, сомнѣва-

ва-

вается обо всемъ свѣтѣ, и наконецъ молвитъ: много эта война стоитъ, и не мало хорошихъ людей въ ней пропадаетъ. О! какое хорошее откровеніе!

Маркиза.

Гжа. Баронесса часто бывала въ комедіяхъ, и очень ими прельщена.

Графъ.

Госпожа Баронесса много чести дѣлаетъ нашимъ комедіантамъ и комедіанкамъ; только я не могу понять, какъ наши позорища могутъ нравиться иностраннымъ; они насъ изображая, представляютъ наши нравы; и я бьюсь объ закладъ, что при многихъ чужестранныхъ Дворахъ, гдѣ Французскія комедіи часто представляются, тамъ поскорѣе скучать, нежели забаву имѣть будутъ; и потому давно ужe бы оныя изкоренили, естьлибъ не въ хорошемъ употребленіи были Парижскія веселости; ибо естьли кто не по нашему живетъ, тотъ и не можетъ чувствовать всего того, что наши обычаи изображаютъ. Иностраннымъ надлежалобъ и самимъ себя представить на театрѣ по Французскому примѣру, толькобъ достоинство ихъ тѣмъ оскорбилось. Какая хорошая

Парижская жизнь! какая вольность! я поѣду въ одноколкѣ, и пойду пѣшкомъ, ежели захочу; обѣдаю у Герцога, а ужинаю у того, кто банкъ держитъ; Философъ я у себя дома, а бѣшенъ въ другомъ мѣстѣ; однимъ словомъ, живу я такъ, какъ мнѣ хочется, и всякой вечеръ бываю на преизрядныхъ, прелестныхъ, роскошныхъ, возбудительныхъ и божественныхъ позорищахъ. Какія пріятности! какое восхищеніе! не самоель это житіе богинь? и не храмъ ли это боговъ самихъ? Я въ двухъ сихъ размышленіяхъ утопаю, и душа моя совсѣмъ тонкую и божественную радость съ восхищеніемъ ощущаетъ.

Маркиза.

Уморишь ты меня; тутъ удержаться не можно, надо пропасть въ прелестяхъ такого быстраго и блестящаго изображенія. Божусь, что я часто въ обморокъ падаю и обмираю, слыша нѣкоторыя жалкія обстоятельства, отъ которыхъ слезы пойдутъ ручьями, и сердце растаетъ.

Баронесса.

Да вы оба забывшись представите намъ здѣсь изрядную трагедію. Выраженія

женія ваши самыя театральныя, я не надѣялась этого отъ васъ.

Графъ.

Хорошо, естьли это только на театральное походить будетъ! Это самое лучшее выраженіе, продолжайте, сударыня! говорите по моему: то скоро ничего въ васъ иностраннаго не будетъ, какъ только одно ваше имя; да можетъ быть не сыщемъ ли мы средства обратить его по Парижски, называя васъ просто Баронесса Карфанъ, а цель-та лишняя. Можно ее и откинуть, потому что она тутъ не кстати.

Маркиза.

Я твоегожъ мнѣнія; не можно довольно чести приписать такой иностранкѣ, какъ Гжа. Баронесса, которая такъ легко можетъ перемѣнить Нѣмецкія, Аглинскія и Италіанскія нарѣчія, и наконецъ свободить себя отъ всѣхъ тѣхъ обычаевъ, которые пахнутъ Рейномъ, Тамизою, или По.

Баронесса.

Такъ надо пахнуть Сейной, чтобъ пріятною казаться. Мнѣ иногда случается гулять по берегамъ этой рѣки, я ее очень люблю, только не примѣтила, чтобъ эта вода имѣла хорошій запахъ.

Графъ.

Графъ.

Ахъ, сударыня! что вы это говорите? прежде двухъ мѣсяцевъ узнаете, что Сейнъ выпускаетъ самые сладкіе и божественные пары, да и на прелестныхъ берегахъ ея растутъ пріятности и смѣхи. Вотъ скоро будетъ и шесть часовъ, а мнѣ надобно быть въ это время у Герцога. . . . и у Кардинала де. . . . Посѣщенія мои уже превосходятъ мѣру, обращаютъ они меня въ камень; со всемъ тѣмъ никто моего больше не раздаетъ и не принимаетъ визитовъ. Швейцара моего на то не становится, да и лошади мои, будучи жертвою модѣ и хорошему нашему воспитанію, съ ногъ уже свалились.

Маркиза.

Останься еще на минуту, будто мы не стоимъ твоего Герцога и Кардинала? да хотя это твое двойное посѣщеніе и отложить, такъ бѣды не будетъ; меня уже съ недѣлю ко Двору ожидаютъ, однакожъ я сижу дома спокойна. Мнѣ несносно оставить Парижъ ни на минуту; я напередъ за мѣсяцъ вздыхать стану; ежелижъ мнѣ на полверсты

сты ѣхать будетъ надо, я ужъ думаю; что я подъ землею у Антиподовъ, когда въ Пасси мнѣ быть случиться, да и камеръ-фрауры мои у самой рогатки чуть не умираютъ.

Графъ.

Я право объ нихъ много жалѣю; ибо они очень хороши. Я не знаю, что ко мнѣ въ голову приходитъ; что-та мнѣ черно въ глазахъ кажется, не умереть бы мнѣ, не выѣзжая изъ Парижа.
„ Я минувшей ночи не больше спалъ, какъ
„ часовъ съ восемь. Гобелинская моя каре-
„ та очень блещетъ. Божусь вамъ, что я
„ не знаю, гдѣ сыскать денегъ. Я вче-
„ расъ встрѣтилъ Гримбода; правда, что
„ это славной Докторъ. Маленькая Сала-
„ донша выходитъ изъ моды. Какое
„ время, у насъ зимы нѣтъ! Миросъ
„ безмѣрно меня забавляетъ; онъ все
„ говоритъ на виршахъ. У меня былъ
„ попугай, которой за благо разсудилъ
„ умереть нынѣ поутру, это меня
„ крайнѣ безпокоитъ; онъ лучше гово-
„ рилъ многихъ нашихъ Академиковъ,
„ свисталъ же такъ какъ будтобы онъ
„ чувствовалъ что нибудь худое. Мы
„ можетъ быть поплывемъ вверьхъ по

„ Рейну; шакЪ какЪ сомы. Я читаю
„ Моншанье; эша чудная книга. Бофмар-
„ шальша хочешЪ приказашь срисовашь
„ меня сухими красками, и шакЪ мнѣ
„ надо посудишься своимЪ лицомЪ часа
„ на шри. Тюллерійское гулянье опяшь
„ будешЪ вЪ модѣ, а сЪ землянаго валу
„ честь спадаешЪ. На какомЪ мы пиру
„ вчерась были! шамЪ сЪ херувимами
„ была фрикасея, вЪ кошорой были однѣ
„ головы и крылья, а соусы весьма бы-
„ ли печальны. Я, возврашясь изЪ по-
„ ходу, кЪ водамЪ поѣду, и Гжа.
„ Баронесса шуда пожалуешЪ.„

Баронесса.

НѣшЪ, сударь! я благодаршвую; я безЪ нужды не ѣзжу, да и здоровье мое лучше мнѣ велишЪ пишь вино, нежели воду.

Маркиза.

Право мнѣ кажешся, что ГрафЪ вздорЪ говоришЪ. Слышалиль вы весь эшошЪ его разговорЪ по порядку? АхЪ! какая хорошая шабакерка! посмошри ГрафЪ; какЪ она деликашна! и какЪ хорошо наведена сверьхЪ золоша лакомЪ! ВошЪ маленькая собачка, кошорая со-

всѣмЪ

всѣмъ на мою походитъ; какъ она разтянулась! побожитьсябъ можно, что она спитъ.

Баронесса.

Вы еще больше удивитесь, естьли я вамъ скажу, что это табакерка не Парижской работы.

Графъ.

Повѣрю, что она изъ другихъ земель привезена, только конечно Французъ ее дѣлалъ. Здѣсь только пальцы могутъ быть особливо проворны; знаютъ они въ тонкость приводить, обвастривать, финифть и хорошій глянецъ наводить. Парижъ почитается старшимъ городомъ въ свѣтѣ, а прочіе города, такъ какъ меньшіе его братья, ни чуть вывернуться не изъ чего не могутъ, да и сіяютъ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и то какъ уже совсѣмъ раззорятся.

Маркиза.

А вотъ и Г. Шевалье Аргентракъ пришелъ. Здравствуй, сударь! куда ты такъ пропалъ, что уже тебя мѣсяца два, или три не видно было?

Ше-

Шевалье.

Я истинно, сударыня! самъ о томъ не знаю; мнѣ кажешся, что я все спалъ, чтобъ не видать дурачества нынѣшняго вѣка; и думаю, что я это хорошо сдѣлалъ.

Графъ.

Какая эта грубая Философія! и вы, сударь! не опасались умереть задушившись? Я бы всѣ славныя дѣла минувшихъ вѣковъ промѣнялъ на нынѣшнія дурачества. Арликинъ одинъ больше всѣхъ Философовъ меня забавляетъ; онъ меня смѣшитъ, а тѣ скуку наводятъ.

Баронесса.

Всякая земля имѣетъ свои обычаи; только я этому рада, что и въ самомъ Парижѣ все не такъ разсуждаютъ, какъ Графъ. Я думаю, что и здѣсь есть разсудки такіежъ, какъ и моды, то есть всякихъ родовъ и разнаго цвѣту.

Маркиза.

Это ужъ безъ сомнѣнія, сударыня; да то-то и производитъ самую пріятность. Угрюмой, веселой, глупой, величавой, подлой, важной и шутливой разсудки намъ необходимо нужны для про-

произведенія сихъ разноцвѣтныхъ трудовъ и разсужденій, которыя дѣлаютъ Парижъ центромъ, отъ котораго всѣ новости происходятъ.

Шевалье.

Теперь и кстати спросить о новостяхъ; сіи госпожи видѣлиль модную зеленую книжку, въ которой можетъ быть не больше осьмидесяти листочковъ? Мнѣ она больше тѣмъ показалась, что она подъ видомъ, будто хвалитъ моды и тщеславіе нынѣшняго свѣта, а въ самомъ дѣлѣ открываетъ дурачества петиметровъ и щеголихъ, какъ глупыхъ любовныхъ начальниковъ, насмѣхаясь притомъ и нашимъ притворнымъ видамъ.

Маркиза.

Правда! ежели есть сносное нравоученіе въ маленькихъ забавныхъ книжкахъ, то это въ Фонтеновыхъ басняхъ, которыя всегда оканчиваются какимъ нибудь наставленіемъ.

Графъ.

А мнѣ кажется, что зеленой книжкѣ, будучи гораздо глупой и смѣшной, и не пристойно было бы порочить въ свѣтѣ принятыя употребленія, кото-

рыя

рыя дѣйствительно составляютъ то, что хорошимъ обществомъ назваться можетъ. По ней надобно, чтобъ Парижской Дворянинъ, такъ какъ мужикъ утирался, илибъ сжималъ носъ пальцами, такъ какъ глупо и непристойно дѣлаютъ Господа Италіянцы; уже не надобно имѣть никакихъ пріятностей и хорошихъ манеровъ, а ходить и говорить также по старинному, какъ дѣлывали добренькіе родители наши; ибо видно, что намѣреніе зеленой книжки къ тому всегда и клонилось. Вездѣ внушала она, что надлежалобъ принять старые обычаи, то есть жить скотами.

Баронесса.

Когда книга клонится къ поправленію нравовъ, то всегда шутка ея полезна; часто больше она плода приноситъ, нежели другая книга. Обыкновенно больше всѣ ее читаютъ, онажъ не похожа на казанье, котораго обыкновенно убѣгаютъ. Желала бы я, чтобъ наше Дворянство временемъ нѣкоторыя книги въ свѣтъ выдавало; этого-то подлинно и недостаетъ въ насъ. Плодъ наукъ въ насъ пропадаетъ, какъ скоро до

 осьмнат-

осьмнатцати, или до двадцати лѣтъ достигаемъ, и въ чтенiи больше не упражняемся. Я хотя и къ безчестiю своей нацiи скажу, что многiе изъ нашихъ Господъ писателя съ писателемъ не раздѣляютъ, и не умѣютъ столько почитать хорошихъ качествъ, сколько они заслуживаютъ. Римляне и Греки совсѣмъ инако разсуждали; а Французы, Агличане и Италiянцы еще и теперь прославляются письмами своими. Принцы, Милорды, Графы, Маркизы, военные, придворные, да и самые Министры и Генералы сочиняютъ полезныя и прiятныя книги. Наука, которая здѣсь наровнѣ съ самымъ знатнымъ Дворянствомъ, прославилабъ нацiю нашу, естьлибъ мы въ томъ упражнялись. Уповаю, что время произведетъ это чудо, что и наши Господа, преисполненные здравымъ разсудкомъ и хорошею склонностiю, прилѣжать будутъ въ нѣкоторыхъ полезныхъ наукахъ.

Шеваліе.

Вы говорите, сударыня! такъ какъ разумная Госпожа. У насъ уже и много пишутъ, потому что весь свѣтъ въ то вмѣшался; а въ Нѣмецкой землѣ со-

совсѣмъ въ прошивную крайность отдаются. Кажется, что Реторика и науки тамъ только для педантовъ, и надобно быть Профессоромъ Университетскимъ, чтобъ отдавать печатать свои книги. Мы же совсѣмъ другихъ мыслей, перо насъ также прославляетъ, какъ и шпаги, и намъ бы очень непріятно было поступать инымъ манеромъ; ибо мы видимъ, что и самые Самодержавцы, на примѣръ Кесарь и Маркъ Аврелій, явно предаютъ глазамъ нашимъ свои производства.

Маркиза.

Музъ довольно приласкать не можно, я такого мнѣнія. Сколькожъ Парижъ въ нынѣшней войнѣ себя прославляетъ! какой же хорошій пріемъ дѣлаютъ ученымъ людямъ! зовутъ ихъ, ищутъ, напередъ объ нихъ объявляютъ, за благополучіе поставляютъ ихъ видѣть, у нихъ слушать, и наконецъ обладать ими. Какуюжъ чрезъ то придаютъ охоту подражать имъ! каждой день видимъ новыя книги всякаго рода; однѣ продолжаются не больше недѣли, другія держатся мѣсяцъ, и честь съ нихъ также спадаетъ, какъ съ дынь и съ клубники.

Удивляюсь я Дашскому королевству; правленіе сіе отпускаетъ Дворянъ всякой годъ въ другіе краи, дабы спознываться тамъ съ учеными людьми, отъ нихъ научаться, и возъимѣть чрезъ то охоту къ письмамъ и Философіи. Безъ сомнѣнія всѣмъ государствамъ надлежалобъ послѣдовать сему хорошему примѣру. Въ тѣхъ земляхъ, гдѣ пишутъ, бываетъ обыкновенно много разуму; а что и въ знатныхъ компаніяхъ, естьли разуму не будетъ?

Графъ.

Вотъ разговоръ самой разумной. Я ужъ съ четверть часа думаю, какъ изъ него сдѣлать пѣсню. Да развѣ мы забылись? или казанье сказывать желаемъ, потому что постъ наступилъ? Скажи, сударыня! пожалуй, всегда ли торжества въ вашихъ кантонахъ празднуются великолѣпно? Всегдаль надо знать рожденіе Госпожи, ея имянины, когда она кровь пускаетъ, когда слабительное принимаетъ, и когда преставится, чтобъ одѣться въ пристойное платье для торжествованія сихъ знатныхъ случаевъ? Обыкновенно въ такіе праздники надѣвать надо драгоцѣнныя платья, которыя

больше

больше золотыхъ дѣлъ мастерами, нежели золотошвѣями сдѣланы бываютъ. Ахъ, Парижъ! благополучное мѣсто! всякой тамъ одѣвается по своему манеру. И такъ естьлибъ я совершеннымъ былъ Философомъ, и захотѣлъ бы жениться на вѣчно черномъ, или темномъ цвѣтѣ, мнѣ бы свободно то учинить можно было, не изключая себя для того ни изъ какой компаніи, ниже позорища, ни отъ самаго Двора. Не смотряжъ на хорошій нашъ вкусъ, и что мы совершенны въ модахъ, мы при всемъ томъ самые простые и безцеремоніальные люди изо всей Европы.

Маркиза.

Графъ правду вамъ говоритъ, ни въ которомъ государствѣ такъ мало чиновъ не разбираютъ, какъ здѣсь; въ позорища и въ компаніи не пойдутъ, ежели не захотятъ; пусть насъ лучше живыхъ похоронятъ, толькобъ мы этого не слыхали, что у иностранныхъ водится спрашивать: „вы вчерась и въ комедіи не бывали, на балѣ васъ также „не видать было, да и въ собраніе вы „не приходили.„ Глупо, да и не кстати почитать большимъ маленькой городъ. И здѣсь наши караводы обхожденіями не

не называютъ, хотя подлинно тамъ и обходятся; ибо мы знаемъ, что естьли когда скажутъ: приди поговорить; то это столькожъ, естьлибъ сказать смѣйся. Разговоры и смѣхи должны раждаться отъ внезапнаго случая, не имѣя никакого пріуготовленнаго намѣренія. У роскошной націи все должно дѣлаться съ вольностію. Я не люблю щекотить себя, чтобъ развеселиться; веселость боится шуму, она только въ малыхъ компаніяхъ бываетъ.

Баронесса.

Естьлибъ всѣ земли сходны были, тобъ и путешествовать не зачемъ было, притомъ же и свѣтъ не былъ бы хорошимъ цвѣтникомъ, которой различными красками своими увеселяетъ, да и Парижскіе Господа не имѣли бы забавы упадать въ обморокъ всякой часъ, какъ они у иностранныхъ бываютъ; стоитъ только увидѣть постелю безъ занавѣсу, или сковороду, то уже необходимо въ обморокъ упадать надо.

Графъ.

Правда, что я никогда понять не могъ, чтобъ можно было пробыть

безъ

безъ камину. Мы прочіе Парижане, мы огнемъ дышемъ, шакъ какъ Саламандры; а хошя женщины наша безъ прекословія имѣюшъ самыя нѣжнѣйшія лицы въ свѣшѣ, и наилучшіе блисшашельные глаза; однакожъ они на огонь глядѣшь не боятся. Знаюшъ они, что сей элеменшъ цвѣшами своими увеселяешъ, свойсшвомъ прельщаешъ, дѣлаешъ компанію, наконецъ и приносишъ удовольсшвіе разбивашь головеньки, забава кошорая шолько извѣсшна въ Парижѣ, и сшоишъ больше, нежели всѣ разговоры разныхъ государсшвъ. Огонь, вѣчно не угасающій, и книжка, наполненная прелесшными словами; шакія-шо пріяшносши предпочишаю я всѣмъ праздникамъ въ свѣшѣ. Какъ скоро увижу я какую нибудь землю, гдѣ нѣшъ каминовъ, шо заключаю изъ шого, что шамъ никакихъ веселосшей, ниже жизни соблюденія не знаюшъ. Надо признашься, что мы избалованныя дѣши въ Европѣ; у насъ все превосходно, все возбуждаешъ, все сладко и божесшвенно. Мы ушопаемъ въ самой эсенціи, кошорая сквозь все пробиваешся; кашаемся мы въ веселосшахъ и въ прелесшяхъ, шакъ какъ на

розовыхъ и на амарантовыхъ постеляхъ; мы подъ рукою у себя находимъ тысячу сонетъ, которые нужды наши изъясняютъ; а притомъ тысячу проворныхъ рукъ, которыя со всякимъ прелестнымъ искусствомъ намъ служатъ. Болѣзни наши пріятнѣе самаго лучшаго здоровья иностранныхъ людей; глаза наши только на обманчивыя вещи смотрятъ, а пальцы дотрогиваются только до атласу и бархату; въ прочихъ мѣстахъ натура искусствомъ, а у насъ искусство вмѣсто натуры. Постеля, на которой отдыхаю, стоитъ трону, а кабинетъ мой Лувра (*); карета моя не хуже роскошной постели, библіотека моя такъ какъ портера, софа моя похожа на дернъ, распестренной фіолетовыми цвѣтами и туберозами, тысяча зеркалъ изображаютъ меня со всѣхъ сторонъ, и умножая мою персону, умножаютъ мою роскошь; тысяча лакомствъ производятъ во мнѣ безконечныя почувствованія, однѣ другихъ лучше; тысяча хорошихъ духовъ препроводятъ пріят-

(*) Лувръ увеселительной Королевской Французской замокъ.

ятность до глубины моего сердца, и съ тысячу разумныхъ людей уносятъ меня въ царство веселостей, которыя только въ Парижѣ извѣстны, и которыя дѣлаютъ меня неизмѣримымъ и почти безконечнымъ.

Маркиза.

Вы все разсказали, Г. Графъ! и я все то чувствовала, что вы намъ о Парижскихъ роскошахъ растолковали. Я подлинно не знаю, какъ можно въ другихъ государствахъ родиться, и какъ Парижъ не сдѣлается жилищемъ четырехъ частей свѣта; тамъ царствуютъ хорошій вкусъ, нѣжность, краснорѣчіе, пріятность, знаніе, удовольствіе, которыя лицы и сердца оживляютъ, и дѣлаютъ самую маленькую торговку сто разъ пріятнѣе тысячи Госпожъ чужестранныхъ. Я вѣрно знаю, что камеръ-фрау мои на одномъ пальцѣ больше пріятностей имѣютъ, нежели всѣ Аглинскіе и Италіянскіе города вмѣстѣ.

Баронесса.

Желала бы я, чтобъ отъ такихъ пріятностей можно было удѣлять иностран-

страннымъ, которыхъ въ Парижѣ не очень много почитаютъ. Можетъ быть, что соединя ихъ съ простыми веселостями здѣшняго города, сдѣлать ихъ можно будетъ подлинно модными людьми.

Графъ.

Хотя иностранные и будутъ пріятны, какъ то напослѣдокъ легко сдѣлаться можетъ, токмо жалко спознать ихъ съ тѣмъ, чтобъ потерять ихъ почти въ тожъ самое время; они такъ глупы, что въ хорошихъ компаніяхъ въ нихъ нужды не имѣютъ. Всегда, какъ я зову иностраннаго къ себѣ обѣдать, и какъ мнѣ о немъ не такъ какъ о разумномъ и достойномъ человѣкѣ доложатъ, то я нарочно пріятелямъ своимъ сказать пошлю, чтобъ они тогда ко мнѣ не пріѣзжали, и я очень радъ избавить ихъ отъ такой работы. По этой самой системѣ, которая довольно въ Парижѣ извѣстна, почти всѣ иностранные оставляютъ насъ не спознавши. Мы имъ платимъ такою же монетою, мы для нихъ только церемоніальные дѣлаемъ банкеты, то есть весьма важные. Пріятности разума оказываются только тогда, когда кстати, а впрочемъ не много говоримъ,

чтобъ

чтобъ иностранные, такъ какъ дурныя обезьяны, въ худые манеры то не превратили.

Баронесса.

Да уже время приходитъ и разъѣзжаться; я только своихъ людей дожидаюсь.

Графъ.

Будто въ девять часовъ и надобно разъѣзжаться? Это нѣчто новое; но несмотря на всю новизну, я не думаю, чтобъ оно вошло въ моду. Безъ церемоніи, сударыня, не изволите ли взять мѣсто въ моей визави? Я васъ высажу, гдѣ вамъ будетъ угодно, а по томъ, взявши Гжу. Маркизу, поѣду на ярмонку.

Баронесса

А вотъ и моя карета! поѣду я къ своему мужу; покорно благодарствую за вашу учтивость.

Графъ.

А! къ своему мужу! надобно очень много этому смѣяться! Какая это Госпожа! какіе смѣшные разговоры! и какой разумъ! я уже часа съ два насилу могъ держаться. Безъ сомнѣнія Баронесса наша ѣдетъ кушать кислую ка-

пусту

пусту съ своимъ дорогимъ супругомъ. Желаю имъ хорошаго аппетиту, и дай Богъ, чтобъ въ вѣкъ съ такою простотою вмѣстѣ не съѣзжаться. Заподлинно знаю, что она теперь сама себя похваляетъ и думаетъ, что меня совсѣмъ удивила. Дураки всегда тогда торжествуютъ, когдабъ имъ спряташься надобно было. А вотъ гостья пріѣхала къ намъ; я вамъ покажу свою торговку, которая совсѣмъ преизрядна, разумна и манерна. А! здравствуй, дорогое дитя! какъ она румяна, и какой хорошій на головѣ уборъ! Она пріятна даже до самыхъ волосъ; и какія круглыя брови!

Торговка.

Полноль вамъ насмѣхаться, Г. Графъ? Вы въ вѣкъ не перестанете. Лучше всѣ неимущія мои пріятности оставить, да купить у меня что нибудь. Мы здѣсь для продажи, а не для игранія комедій.

Маркиза.

Покажи мнѣ, дорогая, что у тебя есть лучшее и новое; я хочу войти въ убытокъ, и дать тебѣ денегъ, ко-

то-

торыя лучше будутъ всѣхъ Графскихъ учтивостей.

Торговка.

Вотъ преизрядныя вещи разныхъ родовъ; что вамъ угодно? не надобныль вамъ Канкальскіе корнеты, Кревельтскія шапочки, Цорндорфскія леншочки, Гохкирхенскія опахалы, извольте посмотрѣть; вотъ это рѣшетчетой флеръ, очень хорошъ на мантелеты. Что это сударыня? я вижу на васъ корнетъ, которой вчерась ввечеру вышелъ изъ моды. Не изволитель купить такой, которой севодништняго манеру? Вотъ одинъ, которой, божусь, какъ по васъ былъ дѣланъ. Госпожа Маркиза де** уже съ два часа ево носитъ.

Маркиза.

Очень хорошо; приди завтра ко мнѣ, какъ я проснуся.

Графъ.

Сколько фигурокъ на часы! сколько нашивокъ! и сколько хорошихъ способовъ воровать деньги! сколькожъ любопытныхъ вещей, и сколько разныхъ игоръ! насъ зовутъ отовсюду. Какой съѣздъ! это такой Вавилонъ, изъ котораго мы выдраться не можемъ. Вотъ маленькое

смя-

смятое лице, которое не худо, и глаза самые лукавые и довольно значущіе.

Маркиза.

Мнѣ нѣтъ ничего милѣе ярмонки; тамъ крикъ съ одной стороны, и поклоны съ другой, тѣснотою толкаютъ васъ во всѣ стороны; товары тамъ всякаго цвѣту, скоты разныхъ родовъ, новыя книжки, въ которыхъ забавной разумъ изтощевается хорошими вещами: все это составляетъ прелестное позорище, которое возбуждая увеселяетъ; но обратимся къ смѣшной оперѣ, и взглянемъ на всѣхъ сихъ иностранныхъ купцевъ, и они человѣческой видъ имѣютъ.

Графъ.

Это хорошо; только позабудемъ нашу Баронессу, которую терпѣть я не могу. Есть въ свѣтѣ глупыя женщины, которыя обходительныхъ людей въ отчаяніе приводятъ. Гей! лакеи! Зелень, Сенлуи! подавайте факелы!

Этотъ разговоръ дологъ, только онъ приличенъ въ Модной книжкѣ; въономъ явствуютъ здравой разсудокъ съ одной стороны, а остроуміе съ другой, и сражаются явственнымъ образомъ

вмѣстѣ. Но какъ уже теперь здравой разсудокъ не въ модѣ, то и похвалить его не льзя безъ поврежденія чести; то мы и предпринимать того не станемъ.

О вы, читающіе теперь сію книгу, глядя глазами на всякую строку, такъ какъ на алею какого нибудь хорошаго цвѣтника, усаженнаго розами и тюльпанами! для васъ только можетъ быть издана сія книга. Можетъ быть я, глядя на васъ, разсуждалъ о модахъ и о подвиваніи волосъ, и изображалъ петиметра и прелестную щеголиху. Разсудите, и посмотрите, какое удовольствіе читать и находить васъ знаками лучшихъ вещей нынѣшняго вѣка? Вы, будучи Героями хорошаго вкусу, и пріобрѣтая себѣ безсмертное имя чрезъ самыя пріятности, смѣхи и хорошіе манеры, помните и не забывайте никогда, что честь ваша того требуетъ, чтобъ вы не ходили никуда безъ бѣлаго, такъ какъ алебастроваго платка, орошеннаго благовонными водами, и которой всегда бы до половины изъ кармана выпущенъ былъ; чтобъ у васъ всегда были двѣ табакерки, одна рѣзная золотая съ Шпанскимъ, а другая лучшая финифтяная

ная съ рапеемъ; въ заключеніе всего этого присутствовать вамъ на театрѣ и на гульбищахъ съ зрительнымъ стеклышкомъ, чтобъ испущать на весь свѣтъ презрительные ваши взгляды.

Въ иномъ рѣшительномъ случаѣ одного недостаточнаго взгляду, простой пожимки плечомъ, или забывшись и головою покачавъ, довольно будетъ, чтобъ погубить безъ возврату наилучшаго человѣка. Маркизъ де Перлисласъ съ шесть мѣсяцовъ, какъ показаться не смѣетъ, за то, что не умѣлъ кстати протянуть мизинецъ съ бриліянтовымъ перстнемъ. Графиня Мазюлипъ еще до сихъ поръ прославлена за то, что она 13 Іюня, 1777 году гуляла въ Тюеллери съ простою собачкою, которая совсѣмъ ничего такого не имѣла, чтобъ походило на благородную собачку. Шевалье Созисъ Грущъ пропустилъ самую лучшую невѣсту тѣмъ, что по валу проѣхалъ въ одноколкѣ, выкрашенной темною каштановою краскою; а впрочемъ совсѣмъ онъ былъ такъ снаряженъ, какъ надобно быть совершенному петиметру; шляпа была по модѣ, волосы хитросплетенные, и круглымъ гребешкомъ поддержанные, платочикъ на шеѣ искусно завязан-

вязанной, и совсѣмъ будучи убранъ, нашивками, отворотами, вырѣзками и щегольскимъ самымъ плащьемъ; да и какъ скоро онъ появится, то кричать стали ему, ура! Ливрея его пальцомъ указывала молодую Баронессу Нанизъ, для того что она пила не поморщась.

Желалъ бы я, чтобъ описаніе нынѣшняго свѣта обычаевъ всѣ у себя имѣли, и всякую недѣлю точно бы оное читали. Эта исторія, будучи наполнена новыми словами по модѣ и по благопристойности, составлялабъ основательную и ученую книгу, которая бы Французскихъ Дамъ научала изрядно вязать узелки, а лучше ихъ отъ себя прочь отбрасывать, а иноземокъ сматывать позументы, и пріятно дѣлать изъ оныхъ выжигу.

Праведное небо! какъ старые пальцы были дурны! веретено и игла, какая это по имъ была украса! Добринькія наши бабушки хорошо, что не являются; мы бы ихъ порядочно отправили въ самой нижній апартаментъ къ служанкамъ; да еще не знаю, чтобъ и служанки не почли ихъ худыми товарищами. Шешминъ, почтенной лакей, съ свѣтлыми волосами, съ хорошимъ станомъ, съ голубыми гла-

зами, съ золотыми съ репетиціею часами, съ кружевными манжетами, и съ серебренымъ гасомъ, и съ бриліянтовыми пряжками за стыдъ бы себѣ почелъ вмѣстѣ быть съ какимъ нибудь прадѣдушкою краснорѣчивѣйшихъ нашихъ Господъ. Превращенія наши удивительнѣе, и въ тысячу разъ лучше Озидіезыхъ.

Посмотримъ только на нашихъ военныхъ людей, каковы они были въ минувшихъ вѣкахъ. Прежде сего были они грубы, крѣпки, въ кирасахъ, въ шлемахъ, и въ сапогахъ обуты самымъ дурнымъ манеромъ; они людей пугали; говорили только о томъ, какъ убивать, сжигать и обращать въ пепелъ; казалось, что въ ихъ карманахъ были смертельныя вызывки, которыя бы отдавать тѣмъ, кто имъ быстро въ глаза посмотритъ; нынѣчежъ они краснорѣчивы, въ кружевныхъ манжетахъ и волосы убраны самымъ лучшимъ маперомъ, всегда въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ, нѣжны, такъ какъ горностаи; они лучше любятъ Маршальской порошокъ, нежели пушечной порохъ; взглядами своими поражаютъ они только однихъ женщинъ, которыя для нихъ умираютъ; они скачутъ, танцуютъ, прыгаютъ,

дѣ-

дѣлаютъ балы и комедіи; однимъ словомъ, изъ войны дѣлаютъ они самыя забавныя игры.

Благополученъ я, что родился въ нынѣшнемъ вѣкѣ, и живу посреди забавъ пріятныхъ! можно сдѣлаться стихотворцемъ, какъ скоро захочешь; военнымъ человѣкомъ, какъ скоро мундиръ надѣнешь; Судьею, какъ скоро нарядишься въ черное платье; Врачемъ, какъ скоро Докторское имя себѣ присвоишь; нынѣшнимъ разсудкамъ все покорно, хотябъ они вдохновеніемъ знали науки, илибъ и безъ оныхъ могли обойтися; они разсуждаютъ, судятъ, рѣшатъ, апробуютъ, и осуждаютъ очень хорошо, и всегда шуткою, не смотря никогда въ книгу, не принуждая себя, и не тратя ни одной четверти часа изъ своихъ банкетовъ, позорищъ, забавъ, ассамблеевъ и уборовъ.

Еще не перестану я повторять, сколь много мы удивленія достойны. Вы молчите Римляне и Греки, я краснѣю вмѣсто васъ, когда исторію вашу читаю. Въ вашихъ государствахъ препроводить надо въ наукахъ дватцать лѣтъ, да и всю жизнь свою тутъ положить надо, чтобъ достигнуть до

ге-

геройства и наслаждаться титуломъ великаго человѣка. Серьги, по объявленію Цицеронову, дѣлали между вами человѣка безчестнымъ; такъ вы развѣ львы, медвѣди, или лошади? Нѣтъ; но увы! увы! вы не были петиметрами, то есть элексиромъ человѣколюбія и эсенціею разума.

Любо смотрѣть, какъ наши пригожіе Кавалеры вычистились и выполировались в лабораторіи пріятностей, побывавъ въ кубикѣ, чтобъ старое лице сдѣлать молодымъ, или чтобъ становитымъ сдѣлать все свое тѣло. Какъ люблю я представлять себѣ нашихъ Госпожъ, просѣянныхъ сквозь сито пріятностей, которыя свобождаются отъ бремя, и дѣйствуютъ для сохраненія нѣжной ихъ краски въ лицѣ, и чтобъ лишиться маленькихъ частицъ разума, зародившихся отъ общества простаго разсудка, отъ котораго, благодаря моды, скоро свѣтъ очищенъ будетъ!

КОНЕЦЪ.

156204